

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

№ 46
1982

ИЛЬЯ МИТРОФАНОВ

**СВОИ
ЛЮДИ**

Илья МИТРОФАНОВ родился в 1948 году в придунайском городе Килия. Работал столяром на судоремонтно-технической станции в городе Вилково. А после службы в Советской Армии — сварщиком на судоремонтном заводе в Измаиле и на тираспольском заводе «Ремземмаш» в Молдавии.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Публиковался в газетах «Труд», «Советская Россия», журналах «Студенческий меридиан», «Сельская молодежь», «Молодая гвардия», в коллективных сборниках.

В издательстве «Современник» вышла первая книга молодого автора «За синими деревьями».

Участник VI Московского и VII Всесоюзного совещания молодых писателей.

Молодой московский прозаик Илья Митрофанов умеет точно и зримо передать жизнь в слове. Уже одно это — свидетельство его одаренности. Располагает к себе и знание жизни, способность не только наблюдать и изображать, но и размышлять над теми ее, подчас весьма нелегкими задачами, которые ставит она перед вступающим в самостоятельную рабочую жизнь героем. Молодой писатель по рождению южанин. Оттого, наверное, в повести его есть и свойственная южной прозе пластичность слова, и своеобразие разговора героев, и напряжение чувств. Этот колорит южнороссийской жизни порою даже чрезмерен, но, право, трудно упрекнуть молодого прозаика в любви к родному краю и его труженикам. Внимание к нравственной стороне бытия, понимание того, что есть зло и как оно препятствует нормальной трудовой жизни советских людей, — еще одно несомненное достоинство прозы Ильи Митрофанова.

Достоинств, как видим, много. Все они свидетельствуют о хороших творческих задатках молодого автора. Надеюсь, в будущем они окрепнут и подтвердятся зрелым мировоззрением художника...

Петр ПРОСКУРИН

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ** № 46

1982

Илья
Митрофанов

**СВОИ
ЛЮДИ**

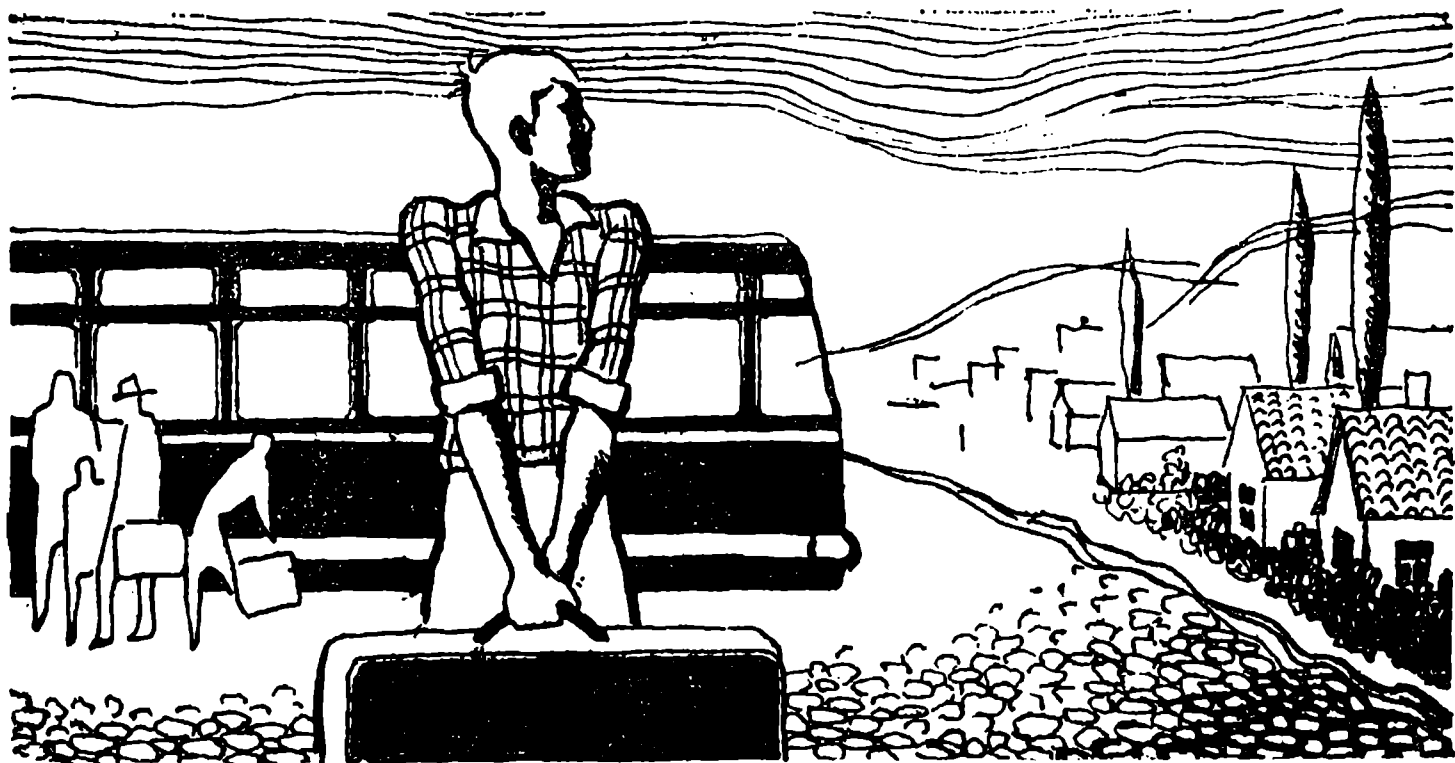
Повесть

Москва
«Молодая гвардия»
1982

Художник М. ВАСИЛЬЕВ

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а

**© Издательство «Молодая гвардия»
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1982 г.
№ 46 (51)**

1

Верно говорят: чему быть суждено, того не ми-
нуешь...

Знать не знал и ведать не ведал Мишаня Сенцов о том, что будет ждать это утро с тяжким стыдом в душе — первое рабочее утро своей жизни.

А ведь два дня тому назад все вроде складывалось благополучно, и жизнь Мишанина катилась без перекосов, как по натянутой нитке. Поезд отстучал тысячу с лишним километров пути от родного дома и привез Сенцова в южный городок Ачуры.

Мишаня разыскал место своей будущей работы, краснокирпичное, приземистое зданье правления райпотребсоюза, которое находилось неподалеку от вокзала, на главной улице городка.

Председатель правления уехал в область на совещание, и молодого специалиста принял заместитель, Юрий Аркадьевич Родькин. Он с уважительным любопытством изучил диплом, направление, поздравил с назначением, позвонил тут же по телефону насчет ме-

ста в гостинице, и, так как приехал Мишаня в пятницу и впереди было два выходных, предложил ему отдохнуть до понедельника и заодно ознакомиться с городом.

Мишаня отоспался с дороги в гостинице, а к вечеру надел пиджак с сияющим на лацкане новеньким техникумовским значком, вышел на улицу.

Городок Ачуры был хотя и мал, но уютен. Покатые спины холмов обступили дома с двух сторон, закатное солнце просвечивало далекие деревья, в воздухе пахло сиренью.

Сердце у Мишани Сенцова сжалось от непривычного чувства свободы. Было и радостно, и немножко грустно.

По брусчатке беспечно прогуливалась молодежь: смуглолицые парни в белых рубашках и девушки в легких цветастых платьях. Мишаня заметил, что все движется в одном заданном направлении и пошел следом, покуда не очутился в парке, заросшем сиренью, таком же уютном и чистом, как и сам город.

На огороженной стальной сеткой танцплощадке горели фонари, играла музыка. Танцующих было мало. И танцевали они, казалось, не для своего удовольствия, а для приманки молодежи, тесно обступившей танцплощадку.

Мишаня прикинул мощность фонарного освещения и отметил, что электроэнергия может не окупиться. И начал уже перемножать силу этой энергии на танцевальные часы, но перемножить не успел, потому как тут-то и случилась с ним оказия.

Долговязый парень с выгоревшими от солнца волосами подошел к Сенцову, оцупал его оценочным взглядом и, дохнув перегарцем, попросил закурить.

Мишаня протянул парню сигарету, но проситель пожелал занять всю пачку.

Такой наглости Сенцов не ожидал. Ему и самому была охота побаловаться дымком вдали от родительской опеки (дома курить Мишаня совестился). Он успел схватить парня за руку, но в то же мгновение холодный и ясный свет вспыхнул в его сознании и погас.

Очнулся Мишаня на земле. Вот и познакомился с городом. Обидно было, до слез обидно. И синяк, вот он, под левым глазом. Носи, молодой специалист, красуйся на новом месте жительства.

Весь следующий день Мишаня не выходил из гостиницы, а в воскресенье купил в киоске темные очки.

Но на работу в понедельник идти ему еще не хотелось...

В кабинете было солнечно по-весеннему. Зеленые пятна света волнистой рябью плясали на потолке, на стенах, увешанных плакатами по технике безопасности, тезисами плановых постановлений.

У окна за массивным столом восседал и сам хозяин, знакомый уже Мишане заместитель председателя Юрий Аркадьевич. Увидев Мишаню, он встал из-за стола и показался Мишане даже ростом вроде пониже, чем в первый день знакомства. Серый костюм в полоску ладно сидел на его литом тельце, гладко выбритое лицо румянилось в улыбке. Но странная это была улыбка. Будто не из души, не от радушия сердечного лучились морщинки у серых водянистых глаз.

— Как отдыхали? На озере были? В кино? — зажурчал вкрадчиво-доверчивый голосок.

— Не успел, — глухо ответил Мишаня. Глядел упрямо в улыбчивое личико Юрия Аркадьевича, почувствовалось — мелькнул в его серых глазках ехидный бесенок. «Знаю, все, братец, знаю! И синяк твой под глазом вижу...»

— Зря-я! Зря на озеро не сходили! Озеро у нас первосортное. Насчет рыбы гарантии дать не могу. А искупаться можно! Да-а!

Юрий Аркадьевич снова уселся за стол, на котором успел разглядеть Мишаня чернильный прибор массивного серого мрамора, стопочку любовно отточенных карандашей в бронзовом стаканчике — ухоженную чистоту, обжитую, надежную. Уже не извинительная улыбка, властное спокойствие держалось в лице заместителя председателя.

— Магазин «Мясо — рыба»! Раз! Гастроном. Два! Ресторан. Три! Плюс район... — И, откинувшись на кресле, вздохнул, словно сбросил с плеч невидимую тяжесть. В серых глазах блеснул льдистый свет. — Вот так, Михаил Петрович! — Вытащил из кармана платочек, промокнул лоб. Крепкие морщинки в уголках рта сжались в озабоченной печали. — Справитесь?

— Попробую, — вздохнул Мишаня.

— Ну и хорошо! А пока пройдите, познакомьтесь с объектами, с оборудованием. Действуйте, одним словом!

И будто из-за невидимой стеклянной стены оценивающе глянули на Мишаню его глаза. Шаг шагни, уткнешься в стекло.

Утро уже разгулялось над городом, подбегало к полудню. И со ступенек правления Ачуры были, как на ладони, обласканные майским светом. Небо над черепичной завесью крыш, над брусчаткой главной улицы было ясное и голубое. Ни тучки, ни облачка.

Действуй, Михаил Петрович! Распоряжайся!

Мишаня снял очки, сощурившись от слепящего света, потрогал опухший глаз: больно. Ладно, пройдет, жить дальше надо.

По правде сказать, предложение Юрия Аркадьевича

ча ознакомиться с объектами было для Сенцова не совсем ясным. Что с ними знакомиться? Холодильные установки ремонтировать надо. И тут же вспомнил, что из-за смущения своего дурацкого за глаз подбитый главного, основного самого не спросил — насчет инструмента. Инструмент в техникуме вместе с дипломом не выдают, сам как хочешь разживайся. А где им разживешься?

Тоскливо все начинается, ничего не скажешь. Вернуться бы сейчас обратно в кабинет, да и выложить все как есть. Но неловко, неловко и стыдно было туда возвращаться. Неловко было чувствовать холодок начальственного взгляда на своем лице. «Ничего, — решил Мишаня, — начальству виднее. Будем с объектами знакомиться...» И пошел потихоньку по улице, перечисляя в уме все подвластные свои владения.

До магазина «Мясо — рыба», «Молоко», гастронома идти было далековато. Все они находились, помнил Мишаня, где-то у рыночной площади. Поблизости, дорогу только перейти, был всего один объект — ресторан, блестящий аквариумными стеклами окон.

Стеклянная дверь парадного входа была закрыта изнутри.

Мишаня свернул во двор, тесно заставленный омытой дождями баррикадой пустых ящиков, и по затертым ступеням поднялся на второй этаж, очутился в длинном и узком коридоре. И тут же почувствовал дразнящий запах жаркого, сглотнул слюну. «Котлеты жарят, — отметил про себя, — с картошкой!» Постучался в дверь, на которой висела табличка «ДИРЕКТОР ЗОЗУЛЯ А. Ф.», вошел, не дождавшись разрешения.

За столом сидела полная рыжеволосая женщина в белом халатике.

— Механик холодильных установок Сенцов! — отрекомендовался Мишаня. Хотел еще имя, отчество свое назвать, но, упершись взглядом в руки рыжеволо-

сой, белые, в золотых кольцах, с длинными розовыми ногтями, сдержался.

Женщина мило улыбнулась, и показалось Мишане, светлее в комнате стало.

— А Юрий Аркадьич тока-тока о вас звонил! — И руку Мишане протянула. Ладонка была жаркая, крепенькая. — Очень рада! Будем знакомы! Аза Францевна меня зовут! — Впилась светло-карими своими глазами в Мишанино лицо, за очки защитные. Да, куда там, за очки! В душу самую рвался любопытный взгляд. — Какой же вы молоденький! И сколько вам лет?

— Восемнадцать, — ответил Мишаня. Хотя восемнадцати ему еще не было. Трех месяцев до восемнадцати не хватало. Он смутился, почувствовал, как предательски покраснели, налились жаром щеки... — Покажите оборудование...

Аза Францевна пропустила Мишаню вперед, в коридор. Дверь своего кабинета закрыла на ключ, на два оборота. И словно там, за дверью, добродушие свое приветливое оставила, крикнула в закуток моечной:

— Я тебе прогул поставлю, Васютина! Слышишь, что говорю?

Хрипловатый голос из моечной ответил:

— Ста-а-авь! Хоть три сразу! Рассчитаюся, сама мыть будешь! — И появилась в дверном проеме худая простоволосая женщина, жидкая челка слиплась на лбу, глаза — два колючих буравчика. Стоит, руки в бока. Фартук клеенчатый по колено.

— Испуга-ала! Цаца какая! А больного ребенка я на кого оставляю?

— У тебя каждый день дети болеют! — поджала полные губы Аза Францевна. Красивое лицо ее скривилось, словно от застарелой зубной боли. Улыбнулась виновато Мишане. — Хамка! Не обращайтесь внимания! Сюда! Сюда проходите. Здесь у нас горячий цех...

Об этом, впрочем, она могла и не говорить, Миша-

ня и так догадался. Пахнуло в лицо сытным мясным духом. Вспомнил моментально, что ел последний раз вчера в гостиничном буфете. Да какая там еда? Здесь, в кухне, понаваристей запахи царствовали.

Из бокового помещения, опрятно белевшего кафелем, выплыла женщина. Круглое, под высоким крахмальным колпаком лицо ее лоснилось. Дышала она трудно, с одышкой. Но чинная хозяйственность крепко держалась в ее полном теле.

— Заведующая горячим цехом, Анна Васильевна, — отрекомендовала директриса.

— Она самая... — ответила Анна Васильевна, и в серых, словно высушенных кухонным жаром глазах ее мелькнуло недоверие. — В повара, что ли?

— Механик! По холодильникам! — сжала недовольным сердечком губы Аза Францевна.

Лицо Анны Васильевны словно помолодело. И даже глаза молодо взблеснули. Бывает так — улыбнется пожилой человек, и на мгновение сквозь морщины проглянет другой, молодой, давно отживший.

— Как раз ты, сыночек, вовремя! Как раз вовремя!

— Ко мне дорогу не забывают! — пропела, кокетливо склонив голову, Аза Францевна и исчезла.

— Идем, идем, сынок! — Анна Васильевна повела Мишаню через подсобку к огромному, застывшему белой глыбой шкафу.

— Вот он, родимый! Десятый день молчит...

Мишаня похлопал ладонью умолкнувший агрегат, вздохнул, впуская в себя начальственного Михаила Петровича, окреп голосом.

— Что здесь хранилось?

— Сметана, сынок! Молоко, творог, маслице! Что покладешь, то и хранилось, — живо ответила Анна Васильевна.

— Масло-молочные продукты, значит? Я-я-я-ясно! — Мишаня открыл дверцы морозильных камер.

Потихоньку-помаленьку возвращалось в душу спокойствие. Чувствовал спиной сдержанное дыхание Анны Васильевны.

— Ты б, сынок, очки снял! А? Чего ж в их видать, в очках?

— Увидим! — ухнуло из кислой пустоты холодильного шкафа. И стук услышала Анна Васильевна, легкий проверочный, согнутым пальцем.

Не было инструмента у Мишани. Какой уж тут ремонт? Глянул в настороженно ждущее лицо Анны Васильевны, выдохнул устало.

— Компрессор надо ремонтировать!

— Монтируй, монтируй, сынок! — согласно закивала. — Я рази против? Монти-и-ируй! — Она все стояла в сторонке, но вдруг морщинки на лоснящемся лбу сжались, и словно испуг мимолетный мелькнул в ее выцветших глазах.

— Ты это... Может, кушать хочешь? А?

— Нет, я нет! — ответил Мишаня. Но твердой уверенности в голосе не было. Словно защищался. И слабину этой защиты Анна Васильевна почувствовала.

— Хочешь, хочешь! Я виновата, старая! Как же не покушать? Идем, идем, родной...

И повела Мишаню в подсобку. Засуетилась, принесла из кухни тарелку.

— Ешь, сынок! — К жаркому и картофельного пюре не пожалела, навалила парную горку. — Поправляйся, механик!

Угощение поставила на столик у стены, на которой опрятно лоснились в солнечном свете алюминиевые бочка многодетного семейства кастрюль, половников, шумовок. И в шкафу, по соседству, светились слюдяным блеском кастрюли, да и сам Мишаня в светозащитных очках отражался в стекле шкафа пока еще необжившимся гостем.

Анна Васильевна примостилась рядышком, с минуту деликатно помолчала, но потом не стерпела:

— С каких же ты краев, сынок, приехал? — Голос у нее был добродушно-доверчивый, и Мишаня вдруг почувствовал, как напряжение, нервная тревога неудачного начала его новой жизни развязалась. Глянул в лицо Анны Васильевны и будто обратно домой вернулся — все рассказал ей, все, о чем вспомнить мог, о доме. Как далеко был этот дом! И как близко казался сейчас...

...В родную Курманаевку из областного центра, где Мишаня учился в техникуме, он приезжал по праздникам. Радость жила в эти дни в сердце Сенцова, победная, щекочущая душу, гордая радость. Там, в техникуме, он был пока еще учащимся, а дома почти что специалист. Непривычно чудной казалась ему в эти дни уважительная почтительность матери, отца, деда Прокопия Семеныча. Даже младший братишка Степка и тот с полдня робел перед пожившим городской жизнью братом. Мишаня с ним особо и не разговаривал, отсыпался. Мать в такие дни вставала рано, тормошила Прокопия Семеныча для экстренной расправы над курицей.

Прокопий Семеныч ворчал:

— Народ пошел, едри твою двадцать... Птицу резать и то не можете... — Но, осознавая незаменимость свою в этом ответственном деле, с поручением справлялся быстро. Седоволосый, жилистый, перепоясанный в пояснице шарфом из собачьей шерсти, в застиранных добела галифе, вправленных в грубой вязки носки и новеньких (по случаю приезда внука) галошах, старик был еще крепок. Он присаживался на крыльце, читал газету, дожидаясь, когда проснется Мишаня, и тут же подкатывал к нему с расспросами насчет техникумовской учебы и вообще городской жизни.

Мишаня отвечать не спешил. Оглядывал двор, ста-

рую яблоню у кузни и с потайным смущением отмечал, что с каждым его приездом площадь двора все уменьшается и уменьшается. Дом тоже вроде на корточки присел. Крыша с вырезанным из жести петухом на самом коньке, казавшаяся совсем недавно головокружительной высотенью, сделалась ниже, и сарай с кузнечной пристройкой гляделся с перекосом на левый бок, будто кто-то из земной глубины старался вытолкнуть потемневшую от дождей и времени стену.

Деду смущение свое от этих перемен Мишаня не высказывал. Отвечал, что учеба в техникуме проходит вполне нормально.

— Мы сейчас аммиачные установки изучаем. Потом экзамены. Потом фреоновые будем изучать, автоматику. Потом практику пройдем, и защита диплома...

— От кого ж защищать-то будешь? — настораживался Прокопий Семеныч.

— От оппонентов, — важничал внук. (Слово «оппонент» он слышал от старшекурсников.)

Дед крутил головой. Он две войны успел прихватить за свою жизнь, но с оппонентами воевать ему не приходилось.

— Нау-ука! — вздыхал с уважением и папироску доставал из кармана, разминал ее крепкими сухими пальцами, допытывался: — Ну а када, значит, диплом защитишь, кабинет тебе дадут?

— Не знаю, — отвечал Мишаня. — Может, и дадут.

— Мо-ожет! — серчал старик. — Надо точно знать! Какого ж хрена тада учиться?

— Я не для кабинета поступал! — терял солидную представительность внук. — Я аппараты люблю! Понял?

— А ты чего на меня голос свой повышаешь? — вскидывал густые, с рыжинкой брови дед и сжимал жилистый кулак. — Гля-ка! Оттяну-у!

— Не оттянешь! — не поддавался внук. Веснуш-

ки на его лице наливались жаром, и в глазах вспыхивал жгучий огонек.

— Оттяну-у! — темнел взглядом старик. — А ну давай руку! Дава-ай! Едри твою двадцать! Кто кого пережмет!

Сухая его ладонь клещастой кузнечной хваткой сжимала Мишанины пальцы. Но он не поддавался.

— И не стыдно вам? Что старый, что малый! Мишаня!

Мать выходила из кухни. Дед робел. Матери он побаивался, садился на порог, оправляя рубаху, газета тряслась в его руках, в глазах, глядевших на внука, тлела упрямая обида. Молчал минут с пяток, вздыхал примирительно.

— Ла-адно! Хрен с им, с кабинетом. А все ж какой чин тебе дадут?

— Да что ты пристал ко мне? — вскидывался Мишаня.

— Не горячи-ись! — крепчал голосом дед. — Я сам горячий! Ишь ты-ы! Я чего спрашиваю? Меня взять. Я всю жизнь у горна простоял. Кто я? Чи-ин! Весь совхоз на моих скобах держится. Это я сейчас — читатель...

— Ну и читай себе! Просвещайся! — отвечал Мишаня и выходил на улицу, шел к мастерским, где работал отец. По дороге успокаивался, досадовал за пустячную свою обиду на деда. Зря, конечно, погорячился. Что верно, то верно, в своем понимании дед, конечно, был чином. Соседские дома с резными наличниками окон красовались обочь дороги. И стены этих домов держались на дедовых скобах. Да разве скобы одни делал старик? А щеколды на калитках, а тяпки, а топоры, вся утварь хозяйская, что человеку нужна для жизни, — все его работа, Прокопия Семеныча. Собака где залает яростно во дворе, и цепь для такой собаки мог выковать старик в кузне. Помнил, крепко помнил Мишаня сердцем эти времена — запах

паленого дерева, кислый дымок углей, жар горячей окалины и звонкоголосый стук молотков о наковальню. Яблоня в ту пору была еще молодой, живым рабочим теплом дышала кузня во дворе. Дед с отцом работали вместе. А когда Мишаня пошел в седьмой класс, Прокопию Семенычу совхоз определил пенсию, и отец стал работать в совхозных мастерских. Там поставили пневматический молот, и горн был пошире, чем в домашней кузне, а тягу углям поддувала электрическая сила. Поначалу Мишаня все никак не мог привыкнуть к утренней тишине во дворе, но в мастерскую в дни приездов из техникума наведываться любил, поглядывал с ревностью, как работает отец, и всякий раз дивился — все казалось, что отец чуток побаивается молота. Лицо его во время работы становилось чудным — выхватит клещами из горна пышущую жаром заготовку, несет к наковальне. А в лице не то испуг, не то удивление, не то восторг, мальчишеский, несолидный. Губы растягиваются, а потом вдруг в трубочку вытянутся. «Фу-фу!» — отдувается, словно на чай горячий дует. ногой педаль нажмет, и мертвым бухом упадет на наковальню первый тяжелый удар. А потом, глядишь, через секунду-другую разогреется молот. «Чах-чах!» — посапывает от усердия. И удары резкие, точные. Ноги у отца широко расставлены, словно в землю вросли, лопатки выпирают на крепкой спине. Знай себе вертит заготовку и так и этак. В прищуренных, с белесыми ресницами глазах светится красный отблеск металла, зубы стиснуты, морщины кривят лицо, словно боль от крепких ударов молота телом чувствует. А Мишаню увидит, выключит молот, лицо станет обычным, насупленным и усталым. Но радость в глазах, в крапинках серых зрачков светится. Непривычная для Мишани радость, смущенная какая-то.

— Приехал, значит? Добро-о! — Ладонь отцовская, распаренная работой, крепко жала Мишанину. Пахло от отца потом, жженым металлом, родной

жаркой силой. Он снимал фартук и, если время поспевало к обеду, шел домой с сыном вместе.

С расспросами о техникумовской учебе не приста-вал. Сдержанно дотрагиваясь кончиками пальцев к кепке, здоровался с соседями. По случаю приезда сына сворачивал в магазин, выходил с оттопыренным нагрудным карманом. Но не для Мишани это было угощение. Он хоть и в техникуме учится, а на равных со взрослыми ему в этом деле пробовать свои силы рановато — пользы не будет. Отец с дедом угощался за здоровье Мишанино.

Мишаня в соучастники не напрашивался, в своих грелся мечтаниях. Чужаком, горожанином себя чувствовал, почти вольной птицей. Знать вот только не знал, что вдалеке вспомнит о доме, с любовью вспомнит. И сам себе удивится, что любовь эта живет в сердце с самого рождения...

— А матушка как? Не горевала, што так далеко едешь? — спросила Анна Васильевна.

— Было дело... — сознался Мишаня. — У меня направление, я отработать должен. А она все думает, что мне пять лет...

— Ну а ты как хотел? На то она и мать. Для матери ты что старый, что малый, а все дите. Так, так, сынок! — Анна Васильевна чуток помолчала, вздохнула виновато: — Нам вот детей бог не дал... — И будто бы еще что-то добавить хотела, свое, сокровенное, но глянула на Мишанину тарелку, спохватилась: — Давай-ка я мяса подложу! Не стесняйся... У моей соседки тожить сынок в студентах учился. Уже и не помню на кого... В общем, тее, что поля орошают...

— Гидромелиораторы, что ли? — высказал осведомленность Мишаня.

— А бох его знает? Может, и так... И што я хочу тебе сказать. Он когда на каникулы приехал, я его

сперва и не узнала... Худющий! Не дай господь... И что это за учеба такая, соки с человека тянут? А может, это сейчас так стало? Я сама, сынок, до войны училась. А по кухням с малолетства. До войны, оно как было? В основном порционные блюда были ходовые. А сейчас порционного тебе никто и есть не станет, фирменное подавай! И гарнир фигурами... Так оно, сынок, идет-катится... Давай подложу! Давай!

— Да я наелся, спасибо! — Мишаня отодвинул тарелку. И жить на свете вроде легче стало. Неловкость и смущение уже не томили душу. Легко было на душе от участливого радушия Анны Васильевны. Вот как оно в жизни бывает, какой-то час назад и подумать бы не мог, что живет такой человек в Ачурах, и будто бы думал о нем всегда, что есть такой Мишаня Сенцов, с материнской заботой о нем думал.

Анна Васильевна убрала тарелку со стола и уже намерилась принести гостю компоту, но вдруг замерла у дверей, словно споткнулась.

На пороге подсобки, прислонившись к дверному косяку, стоял высокий мужчина. Бросился в Мишанины глаза сперва щегольской его костюм в серую клетку, новехонький, будто только-только из магазина. Белый воротничок рубашки был выпущен поверх пиджака, отчего лицо незнакомца, остроносое и без того смуглое, казалось еще смуглее. Голову он держал склоненной набок, черные волнистые волосы вились завитками у висков, стрелочки усиков топорщились в деликатном внимании. И только глаза, прищуренные, жгуче-черные, глядели на Мишаню с усмешкой, словно знали его давным-давно.

— Напугал! Будь ты неладный! — опамятовалась Анна Васильевна.

— А чего меня пугаться? Я не госконтроль, — усмехнулся незнакомец.

Анна Васильевна поначалу не нашлась, что ответить. Но все ее дородное тело будто подобралось. И хлебосольное радушие, улыбка благодушная пропали невесть куда. Глядела на гостя с настороженным напряжением.

— Холодильник когда наладишь? Скока обещать можно?

— Нала-адим! Не кричи! — устало поморщился обладатель щегольского костюма и подсел к Мишане. — С женщинами, главное, не спорить! Как ты считаешь? — протянул смуглую узкую ладонь с перстеньком на мизинце: — Филецкий Александр Трофимыч. Для друзей просто Саша!

— Михаил... Сенцов Михаил... — отрекомендовался Мишаня.

— Приятно, приятно! — кивнул Филецкий. И глаза его черные все вглядывались в Мишанино лицо. Сквозь очки свои защитные чувствовал на себе Мишаня этот взгляд.

Филецкий распорядился насчет компота и на свою долю и, не вникая в ворчание Анны Васильевны, подмигнул:

— Злится! А зря-я! Агрегат ведь по ее вине молчит...

Мишаня насторожился и взял Анну Васильевну под свою защитную ответственность:

— Это почему по ее? Не по ее! Там что-то с компрессором!

— Компрессор, товарищ главный механик, в полном ажуре! — усмехнулся Филецкий.

Мишаня смутился. Осведомленность нового знакомого в поломке холодильного агрегата на кухне ресторана, знание им должности Сенцова — все это казалось странным.

Мишаня вопросительно глянул на Филецкого, но тот уже улыбался, словно обнять хотел невидимо.

— А вот очки тебя, братец, не спаса-а-а-ают! Кто это тебя так?

Мишаня потупил голову.

— По имени не знаю... В лицо запомнил!

— Это хорошо, что запомнил! — сказал Филецкий, и на мгновение смешливая снисходительность слетела с его лица. — Ниче-е-е! Найдем обидчика! Я их всех как облупленных знаю! Идем агрегат посмотрим...

На кухне, у холодильного шкафа, Филецкий не спеша, как хирург перед операцией, снял пиджак, закатал по локоть рукава рубашки (углядел Мишаня вытатуированное «Саша» на запястье левой руки), открыл увесистый фибровый чемоданчик. И глянула оттуда на Сенцова невиданная роскошь инструментального царства: ключи, отвертки, матовая лампочка-контролька, сизо-черный баллончик с фреоном — дозатор и еще ключи, отверточки в уютных брезентовых домишках-чехольчиках. Руки Филецкого не глядя, отыскивали нужный инструмент. Насвистывая что-то очень знакомое, бездумно-легкое, заглянул в морозильную камеру.

— Васильевна! А ну иди сюда! — крикнул в разморенную кухонную духоту.

— И чего орешь? — отозвалась Анна Васильевна, но пришла быстро.

— Чего, чего! — передразнил устало Филецкий. — Когда разморозку делали?

— На прошлой неделе...

Филецкий подмигнул Мишане:

— А кто ж тебя учил, почтенная Анна Васильевна, ножом лед с испарителя скалывать?

— Откуда скалывать? — окрепла голосом Анна Васильевна. — Не знаю я ничего...

— Не знает она! — горестно усмехнулся Филецкий. — Видишь, сверху трубочка проходит?

— Капиллярная, — подсказал Мишаня. Он уже

догадался о причине поломки, глянул в лицо Анны Васильевны, понял ее оплошность и почувствовал свою вину перед Филецким, будто сам эту трубку капиллярную срезал.

— Точно! Капиллярная! — подтвердил Филецкий. — Вот ты ей горлышко и перерезала...

— Ничего я не перерезала! — защищалась Анна Васильевна.

— Ладно, ладно, — донесся из холодильной камеры гулкий голос Филецкого. Слышалось оттуда Мишане частое дыхание, глядел, как крепкие смуглые пальцы, будто играючи, постукивают ключами, и отметил про себя, что человек этот хотя и нахрапистый с виду, но мастер. Тут ничего не скажешь.

Филецкий окончил ремонт, собрал ключи, улыбнулся Мишане.

— Вот и все! Пойдем, что ли, на воздух, товарищ механик?!

— Это куда ты его кличешь? — насторожилась Анна Васильевна. — Ты что это за командир над им такой?!

— Та не кипяти-ись! — сморщил губы Филецкий. — При чем здесь командир? Что ему тут у тебя делать? Агрегат работает? Работает! Ну и порядок! Верно говорю?!

Все верно. Нечем было возразить Мишане.

2

Вышли на улицу. Послеобеденную, разморенную будто. Солнце глядело из бездонной глубины жалящим, острым глазком. Прячься — не спрячешься. Солнечный жар выпарил тень, загнал ее за палисадники, в хозяйскую зелень дворов. Крепенькие, словно вросшие в землю дома, в основном одноэтажные, млели в парном зное, поблескивая оконцами.

Мишаня вскинул голову — холмы, зеленеющие

виноградным молодым цветом, покоились величаво над городком. Вялый ветерок скатился к дороге, поластился у ног и усох от зноя.

Филецкий на эту, необжитую Мишаниными глазами благодать внимания не обращал. Щеголеватый, властный, шагал широко, по-хозяйски, выдавливая каблуками отпечатки на асфальте тротуара, глянул искоса на Мишаню.

— Что начальство насчет жилья обещает?

— А что обещает? — пожал плечами Мишаня. — Пока в гостинице, за счет потребсоюза...

— Гостиница она и есть гостиница, — усмехнулся Филецкий, — у меня будешь жить!

Предложение это поначалу обрадовало Мишаню. Возможность расстаться вдруг с новым знакомым, да к тому же еще и мастером — обладателем инструмента была бы обидной. Но в глубине души дипломированный Михаил Петрович власть свою начальственную терять не спешил.

— Нет, спасибо. Я в гостинице...

Филецкий остановился, в его смуглом лице мелькнула растерянность.

— Обидеть хочешь?

— При чем здесь обидеть? Неудобно...

Мастер облегченно вздохнул.

— Неудобно, братец, штаны через голову надевать. А у нас все удобно! У нас закон гостеприимства! — И умолк, словно знал, что возражений на такой веский довод быть никаких не может, глянул на часы. — Ла-а-адно! Мы сейчас с тобой прокатимся! Город знаешь уже?

— Откуда мне знать?

— Ниче-е-е! Покажем! — пообещал Филецкий. — И город! И окрестности! Все покажем... — В голосе его слышалась властная беспечность радушного хозяина. Он свернул в переулок, выкатил дремавший в те-

ни раскидистого орешника мотоцикл, хлопнул ладонью по блестящему новым никелем бензобаку.

— Садись в коляску! — дернул слегка заводную ручку, и звонкоголосое, ненатруженное старостью рокотанье двигателя спугнуло вялую тишь переулка. Понеслись мимо завистливо глядевших вослед домиков, мимо ресторана на взгорке, мимо рыночной площади по лоснящейся в солнечном свете брусчатке главной улицы городка в ясное ветреное раздолье пригородного шоссе.

Двигатель мотоцикла, успел подметить Мишаня, работал ровно, но молодую силу не всю в скорость вкладывал. Имелся еще запасец. Переднее колесо подминало теплый асфальт, почти не касаясь земли. Видать, мотоциклу наскучила дорожная гладь, взлететь хотелось в прохладу встречного ветра над холмами, плывущими величаво по обеим краям дороги. Вишневые деревья укромных хуторов выворачивались по кругу пологих склонов, невелились белизной стен два-три домика. Оглянешься, а их уже нет — затаились в зелени. Долго живет в сознании чистый свет окошек.

Сердце Мишанино, не привыкшее к скорости, замерло, потом застучало часто и сильно. Праздничная легкость ожгла душу, и выкатился на мгновение из неподвластного сознанию закоулочка похожий день из детства, когда вот так же летел он на шальной скорости по весеннему простору. Только не в коляске мотоцикла, в повозке на пахучем клевере. И сидел впереди в раздутой ветром рубахе, по-разбойному, с улюлюканьем и свистом, опершись босыми пятками в борта повозки, совхозный ездовой Василий Листвянников. Взял он прокатить Мишаню от благодарной щедрости, а точнее всего, чтобы деда уважить. Прокопий Семеныч с отцом на пару с раннего утра до полудня око-

вывали колеса повозки Листвянникова. И поездка эта была вроде обкатки, проверкой на прочность кузнечной работы. Хотя и без обкатки видать было — сработано на совесть. Все четыре колеса, стянутые туго черными, еще не затертыми до цинкового блеска металлическими полосами, вращались с пропащей, бешеной скоростью. Пара лошадей от посвиста Василия неслась с нервной испуганной силой. Мишаня, вцепившись в борт повозки окоченевшими от тряски пальцами, успел увидеть, как прожгли главную улицу Курманаевки, скатились в овражек и помчались проселком мимо поля, вокруг села. Пугливая легкость, восторг, жуть скорости сжимали сердечко Мишани. Раскрасневшийся, с ветряной слезой в шальных глазах Василий изредка оборачивался на притихшего пассажира, крутил вожжами, понукал лошадей. «Эге-ей! Союзнички-и-и!» А когда полчаса спустя остановились у кузни, крикнул Прокопию Семенычу: «А внук у тебя не с пугливых! Не-е! — И, обхватив Мишанино легкое тельце крепкими ладонями, дышал перегарцем в лицо, смеялся: — Да руки, руки ослобони! Гля-ко, вцепился! Ай и вцепился! Мишанька! А, Мишанька?!.»

Почему это вспомнилось? Почему здесь, вдалеке от дома, от детства, на этой дороге? Вот она бежит, стелется под колесами мотоцикла. А над холмами солнце горит, и земля неведомая, необжитая для глаз, следом бежит, радуется, завидует Мишаниной радости.

Коляска мотоцикла вдруг резко дернулась в сторону. На шальной скорости промчался мимо самосвал, замер на мгновение, поравнявшись с мотоциклом, и как не было.

— А-а! Черт лупоглазый! — Филецкий погрозил водителю кулаком. Но скорость сбавил.

У развилки дороги свернули на грунтовку. Густая пыль взвилась дымным облачком, заскрипела на зубах у Мишани. Успел увидеть поселок — домики лепились у склона холма, красные заплатки черепичных крыш над расчесанной зеленью виноградников. Перемахнули через деревянный мосток, испуганно вздрогнули ожившие доски, дохнула водяной сыростью речушка, взмахнули крыльями придремавшие на солнце гуси. Со взгорка бросились навстречу с гостеприимным радушием домики с проросшими над крышами кустиками телевизионных антенн, церквушка сдобным хлебцем на взгорке, людей ни души. Только у калитки крайнего домика, у поворота, сидел на скамейке старик; шляпа островерхая порыжела на солнце, борода белым веером. Мотоцикл увидел — проводил взглядом.

— Деду Матвею почтение! — крикнул Филецкий.

Старик не расслышал. Может, глухой был, а может, имя свое по старости запомнил.

Филецкий свернул в переулок, чисто белевший вишневым цветом, и остановился у маленького домика, глядевшего с укромной печалью сквозь штакетник. Дорожка к дому была густо обсажена тюльпанами, у калитки росла белая сирень. Хозяйка была тут же, во дворе. Она стояла, согнувшись, в огороде, обернулась на шум мотоцикла, но лица ее было не видно Мишане, зато успел заметить, как воинственная самоуверенность из глаз Филецкого вдруг пригасла, лицо сделалось виноватым. Он соскочил с мотоцикла, вошел во двор. Хозяйка пошла ему навстречу. Она была в том пределе лет, когда определенно сказать нельзя, что совсем уже старуха, в линялом платье и теплых, не гляди, что май месяц, бурках, спину она держала ровно. В ее худощавом, загорелом, до черноты лице не было ни радости, ни удивления — она просто глядела, как глядят люди на деревья и траву в поле.

Мишаня не знал, то ли ему оставаться в коляске,

то ли следом идти за мастером, но решил все-таки размять ноги.

Хозяйка с неспешным достоинством вытерла о передник руки, спросила безучастно:

— Усе мотаисся?

— Мота-аюсь! — вздохнул мастер и, пряча взгляд, присел у калитки на старую, давно спиленную акацию. На ней, видать, давно никто не сидел — ствол оброс рыжим лишайником.

Помолчал, потом, не поднимая глаз, поинтересовался о здоровье, но как-то машинально, больше из уважения, чем из сердечного интереса, вытащил из нагрудного кармана пиджака сверток.

— На вот...

— И что эта? — спросила женщина. Но в голосе ее не было любопытства, лишь в глазах мелькнула настороженность.

— Да ты глянь, глянь!

— У мне руки грязные, — не поддавалась она на уговор. — Идем до хаты...

— Времени нету, — сказал Филецкий.

— А када оно у тебя было, это время? Так усю жизнь и протарахтишь...

— Ну ладно тебе! — нехотя отмахнулся Филецкий и сам развернул сверток с нетерпением, даже досадой.

Ярко вспыхнул на солнце шелковистый, с радужными узорами платок. Краса и загляденье для глаз. Но она не обрадовалась, вздохнула с укоризной:

— Да ты что в самом деле? Скока ты мне этих платков уже привез? Мне что, их продавать везть? Или стены обвешивать?

— Да ты глянь! Ты глянь! — вскинулся мастер с детской почти обидой в голосе. — Импортная вещь! Париж!..

— Не надо мне ничова! — сказала как отрезала женщина. — Отвези, де взял! Чуешь? — И словно за-

гладить желая излишнюю строгость, потемнела голосом: — И-и-их! Сашка! Сашка! Када ты тока уже угомонисся? Када ты жить спокойно станешь? У мене уже сердце ссохлося! Я уже ниче не хочу...

— Ну пое-е-ехала! — Филецкий встал и пошел к мотоциклу.

— Ты хоть не гоняй дюже! Ездей, как люди ездют! — послала она вдогонку напутствие. И глаза ее, глядевшие на Филецкого, скользнули и по лицу Мишаниному, будто он был главный виновник лихой езды мастера...

— Кто это? — спросил Мишаня.

— Ма-атушка! — вздохнул Филецкий. И, словно сконфузившись чего-то, платок из Парижа скомкал и сунул в карман, надел шлем и резко рванул мотоцикл. Но в смотровое зеркальце следил за стерегущими глазами матери и скорость придерживал пешеходную. А выехал на поселковую дорогу, дал себе волю, рванул ручку газа, только пыль взвилась из-под колес.

Мишаня пообвыкся к скорости, даже сигаретку попробовал прикурить, но встречный ветер упрямо гасил огонек спички. Покосился на Филецкого.

Недавней виноватой смущенности уже не было в глазах мастера. Будто и не разговаривал с матерью. Восседал на сиденье гордый, неприступный. Жилистые руки цепко держали руль, о чем думал, неведомо. Но когда минули проселки и выбежали навстречу дома с черепичными крышами и с белыми, как кубики рафинада, стенами, Филецкий усмехнулся своим мыслям, привстал на сиденье.

— Лебедевка! — Затормозил в переулке, соскочил с мотоцикла, присел пару раз, разминая ноги, потом вытащил из кармана записную книжицу, полистал странички.

— Инструмент! — бросил коротко. И зашагал скорым шагом по горячей пыли переулка.

Приказной этот тон, лихая уверенность не приш-

лись по душе Мишане. Но вытащил из коляски чемоданчик, направился следом за мастером.

Пройдя мимо глухого высокого забора, Филецкий остановился у калитки, с хозяйской бесцеремонностью вошел во двор.

Ясно глядели из сиреневых зарослей в глубине двора чистые оконца. Самого дома и не разглядеть, обложился вишневым цветом по самую крышу. Только куст телевизионной антенны голо торчал у расписанной затейливо голубой краской дымовой трубы.

— Хозяйка-а! — крикнул лениво Филецкий. И увидел Мишаня, будто тень мелькнула за крахмальной белизной занавесок, — вышла на порог старушка. Кофточка и юбка черные, личико смуглое, изрезанное морщинками, но ни одной глубокой, страдальной, паутинные. Филецкого увидела, расслабилась в сладенькой улыбке.

— Заждалися, заждалися, Сашенька! — запричитала тоненьким голоском. — Думала, забудешь! Ой, ты господи, господи! Проходи, проходи, родный! А я чую, мотоцикл гуркочит, до меня, думаю...

— До тебя, до тебя! — Филецкий присел на лавку, крытую домотканым ковриком, выдохнул устало. — Попить что-нибудь неси! — И Мишане подмигнул: «Не робей, мол!»

Мишаня присел рядом. Чемоданчик с инструментом примостил у ног. Но угодливые глазки хозяйки на него не глядели, щурились Филецкому.

— Может, винца стаканчик? А, родный?

— Е-е! — скривил балованные усики мастер. — Узвару неси!..

Старушка мигом исполнила просьбу. Филецкий пил долго, потом нехотя поднялся, кивнул Мишане, пошел на кухню, насвистывая знакомый легкий мотивчик, начал оглядывать холодильник.

Холодильник был огромный, самой последней модели, с отдельной дверцей в морозильной камере. Чуд-

но было видеть его Мишане здесь, в кухоньке-светелке с узорчатыми занавесками на окнах, сушеной травкой в святом углу, где теплился лампадный огонек у иконы божьей матери, взирающей на гостей с милосердной печалью.

Филецкий с уверенной небрежностью развернул агрегат к оконному свету поближе, глянул сурово.

— Давно молчит?

— С благовещенья, Сашенька... С благовещенья! — радостно закивала хозяйка. Она стояла посреди кухни, смиренно сложив сухонькие ручки на впалой груди, глядела на мастера покорными глазами.

— С благове-е-ещенья! — усмехнулся Филецкий. — А по календарю?

— Да с месяц, родимый, будет! Месяц, точно говорю...

— Ясненько! Подсобляй, Миша!

Мишаня открыл чемоданчик, и прежней ухоженной опрятностью осветилось ремонтно-слесарное царство. Филецкий принялся деловито постукивать ключиком, вглядывался в умолкнувшее холодильное нутро. Старушка топталась рядышком, переступая с ноги на ногу...

— Сашенька, не свисти... Грех!

— Ниче-е-е! — ухмыльнулся Филецкий. — Бог простит!

— Он простит, простит, — покорно кивнула старушка, — только грех все же...

— Ладно, не буду! — Филецкий окончил осмотр. Лицо у него вспотело. Вытерся рушником, тяжело вздохнул. — Гиблое дело, хозяйка! Фреон весь вытек...

Старушка с опаской глянула на холодильник, лобик наморщила. И лицо ее сделалось виновато-обиженным.

— Что же теперь делать? — спросила тихонько.

— Советуйся! — Филецкий кивнул на икону, устало вздохнул. И в кухоньке стало так тихо, что слы-

хоть было, как звенит тоненько муха, увязшая на-
прочь в ленте-липучке.

Мишане тоже хотелось вникнуть в суть поломки, но умом своим разобратся пока в этом не мог — опыта в ремонте домашних холодильников у него не было. И от этого чувствовал он себя неловко, хотя виду не подавал. Держал в лице понимающую серьезность.

— Так я сурьезно пытаю, Сашенька! — опамятовалась старушка.

— А я тебе серьезно объясняю! — обиделся Филецкий. И на Мишаню взглянул. — Утечка!

— Похоже... — последовал неуверенный ответ. Не уловил, не успел уловить Мишаня хитринку в глазах мастера, потому что лицо его в следующее мгновение сделалось озабоченным, глянул пристально в растерянное лицо хозяйки холодильника.

— Короче, так! Два червонца выкладывай — фреон зарядим. А не хочешь, вези в областное ателье!

— Господь с тобой! Два червонца?! — испугалась старушка и на Мишаню глазки скосила, не ослышалась ли часом. — Чудно ты, Саша, говоришь... Ей-бо, чудно...

— Чудно-о?! — вскрикнул Филецкий, и в глазах его черных взблеснула веселая злость. — А кто ж тебя заставлял такой аппарат покупать? Я тебе его покупал? А? Знаешь, сколько кило фреона стоит? Четвертной, бабуля! Госцена! А у тебя холодильник, между прочим, на импортном фреоне работает! Импортный на вес золота! Чудно ей! Ну дела-а! — Лицо его и вправду было обиженным, усики воинственно топорщились. Он начал собирать инструмент, клацнул замком чемоданчика.

Мишаня в разговор не вступал. Стоял рядом, размышляя с самим собой. За три года обучения в техникуме про импортный фреон он вроде не слыживал.

Хотел было уже напрямую у Филецкого спросить. Но почувствовал за спиной хозяйкино дыхание, обернулся.

Старушка развязала носовой платочек, держа его в вытянутых руках к свету поближе, шуршала деньгами.

— Последние, Сашенька! — запричитала тихонько. — Ей-бо, последние! Мне рази жалко? Будь он неладный... Гуркочить и ночью и днем, без передыху... Это зять, купи да купи...

— Другой разговор! — повеселел Филецкий. И чемоданчик с инструментом открыл, засуетился. — Сейчас, сейча-ас, матушка! Сделаем!

Мишаня и свое заверение хотел вернуть под руку мастеру, но, увидев старухины глаза, сухонькие, сработанные руки с зажатым в ладошке платком, отвернулся, вслушиваясь в оживший стараниями Филецкого компрессор. Но спиной чувствовал — в душу глядят глаза, выцветшие, немощные. Глядят с безмолвным упреком.

Когда уже на улицу вышли, провожаемые услужливым топотом хозяйкиных ног, Филецкий облегченно вздохнул, покосился на Мишаню.

— Ну чего скис? — Голос у мастера был добродушно-усталым.

— Да так...

— Так ничего не бывает! Все за деньги... — И двумя пальцами, как заученный фокус, выхватил из кулака мятую десятирублевку. — На-ка! Держи...

— Это за что?

— За помощь! Держи-держи!

— Не возьму я... — тихо сказал Мишаня.

— Та-ак! — вздохнул Филецкий, глаза его на мгновение потеряли свою остроту, глядели с озабоченной грустью, но только мгновение так глядели, —

стрелочки усиков дернулись в снисходительной усмешке. — Ты это, братец, кончай!

— Что «кончай»? — вскинул Мишаня голову. — Фреон так дорого не стоит! Не может столько стоить! А она тебе последние отдала. Зачем...

Договорить он не успел. Лицо у мастера, словно окаменевшее от удивления и досады, поморщилось. Он спрятал десятирублевку в карман, глянул на Мишаню, словно видел его впервые.

— Да ты что, друг милый?! После-е-едние! Да ты знаешь, сколько у нее денег? У нее виноградника гектар! Два сына механизаторы! Последние! Ты это брось! Дают — бери! Бьют — беги! — И, словно недоказанную досаду сорвал, дернул резко заводную ручку мотоцикла. Понесся с победным ревом по улице.

Мишаня сидел в коляске нахохлившись. Голос Филецкого звенел в ушах, а на душу не ложился. «Бьют — беги!» Это от кого же бегать-то? Не было бегунов в роду Сенцовых. В тот злополучный вечер у танцплощадки Мишаня не побежал. Обидчики разбежались, это было. Ну а «Дают — бери!» тут как понимать? Это смотря еще что дают. И кто дает. Не-е-ет! Тут еще мозгами надо пораскинуть.

Оживший от скорости ветерок дожнул свежестью в Мишанино лицо, но восторга недавнего в сердце не возбудил.

Бежали мимо поселковые заборы, все, как один, высокие, крепкие. Что там за жизнь, за этими заборами? Крыши черепичные только и видать. Желоба, отводы дождевые, с узорчатыми теремками на стыках карнизов, петли на воротах, щеколды, запоры калиток, на родные, курманаевские, сработанные дедом Прокопием Семенычем, были не схожие. Кто живет-проживает в этих домах, неведомо. Только услышал Мишаня, как, разбуженная мотоциклетным гулом, взлаяла чья-то собака. Гуси на перекрестке с помеченными синей краской шеями бросились врассып-

ную. Мелькнула в самом конце улицы чья-то спина в белой навывпуск рубашке. И ни души больше, ни голоса.

Мотоциклетный треск мешал разговаривать. Мишане хотелось спросить, куда сейчас хочет ехать Филецкий. Пора было и вернуться в Ачуры. Но возвращаться, видать, мастер не спешил. У поворота дороги, в самом почти конце поселка, лихо крутанул руль, чуть не опрокинув коляску, подкатил в ясную тень белеющих цветом двух старых вишен и заглушил двигатель.

— Здесь что? Тоже холодильник? — любопытствовал Мишаня.

— И холодильник тоже... — усмехнулся мастер. Он снял шлем, пригладил волнистые черные волосы, открыл калитку в подбитом ветром плетне, зашагал к затаенному в сиреневой глуши домику под красной черепицей. В заветную свою записную книжицу, успел отметить Мишаня, мастер не заглянул — видать, адрес знал по памяти. Улыбка его победная мелькнула уже у порога. Постучал настойчиво в окно.

Дверь долго не открывали. Мишаня успел разглядеть дворик, буйно обросший травой. Трава росла даже на дорожке, у самого порога, — видать, вольный ее рост хозяева берегли. А может, и не живет здесь никто. Да нет, вон белье сушится на веревке, платье белое или халат, не разглядел Мишаня, — щеколда звякнула, и дверь отворилась.

Филецкий шагнул за порог. И увидел Мишаня, как полные, чуть тронутые золотистым загаром руки обхватили его голову. Пахнуло из прохладного коридорного сумрака мятной свежестью.

Мишаня замер на пороге, изумленный, растерянный, только и видел эти руки. Послышался из коридора воркующий шепоток, ему отозвался смущенный голос Филецкого:

— Ладно, ладно... Я не один...

Сердце Мишанино сжалось, тело напряглось. А почему, понять не мог.

Выглянуло за порог девичье лицо. Волосы распущены, русые волосы. Халатик голубой туго стянут в талии, на плечах платок парижский. А в полных, припухших губах, во взгляде серых с поволокой глаз жаркая горит истома.

Мишаня опустил голову. И уже не потайной, воркующий, как мгновение назад, стеснительно-виноватый услышал голос.

— Заходите! Что же вы?! — Девушка скрылась в коридорном сумраке, позабыв о робеющем госте. Глядела с укоризной на мастера: — Вчера ведь обещался! Тоже мне мужики... Слова у вас нет!

— Дела, Юлечка, дела-а-а! — с шутливой снисходительностью оправдывался мастер. Мишаня поймал на себе его добродушно-прищуренный взгляд, и неведомая ревнивая тоска защемила в сердце.

— Это механик наш! Я, между прочим, у него в подчинении! — отрекомендовал Филецкий. Обнял Мишаню, похлопал снисходительно по плечу: — Ну ты чего в самом деле? Будь как дома! — подталкивал в незнакомую манящую тишину комнаты. Здесь, в этих выбеленных стенах, в мягком полумраке, от занавешенного простыней окна было прохладно и уютно.

Филецкий снял пиджак, по-хозяйски развалился на куцем диванчике.

— Не повезло парню, слышишь, Юль? Какой-то балбес на танцах фонарь подвесил...

Юлия улыбнулась. И ладошку Мишане протянула, маленькую, податливо-мягкую.

— Это ты потому в очках?

— А что же поделаешь? — адвокатствовал мастер. — Первый день работы... А тут такое дело...

— Ладно, погоди! — Юлия присела на корточки, круглые коленки туго натянули тонкий матерьялец халатика. Глянула доверчиво в Мишанино лицо. —

Давайте посмотрю! Да не стесняйтесь! Сними очки!
Я ведь медик...

— Юлечка у нас спец! — благодушничал мастер.

Но уже подтверждения Юлиного Мишаня не слышал. Прохладные пальцы коснулись его лица, и щекотная ласка потекла в душу.

— Бедненький! Как же вас так... Больно?

— Уже нет...

— Ничего! До свадьбы заживет! — улыбнулась Юлия. — Я тебе, знаешь, что? Я тебе бодяги дам. В подсолнечном масле разведем, и как рукой... — И, словно застеснявшись, что вот так, непроизвольно, одарила Мишаню заботливой лаской, взглянула смущенно на Филецкого. — Бодяга у меня в медпункте. Может, компресс сделать?

— Мы другим средством подлечимся! — заявил мастер.

— Да, да, извините! — Юлия спохватилась. В серых ее глазах поселилась хозяйственная озабоченность. Захлопала дверцами шкафа, убрала со стола баночку с увядшей сиренью, накрыла его белой, опрятно пахнущей утюжной свежестью скатертью. Скрылась за дверь. И оттуда из неведомой кухни слышался праздничный шум воды и звон тарелок.

Филецкий подмигнул Мишане:

— Нравится? — Неведомо, правда, на что хотел обратить его внимание, то ли на расторопную услужливость хозяйки, то ли на укромный уют комнатки. Окинул беспечным взглядом ее обжитой покой: коврик с озерцом лебединым на стене, железную, с никелированными шариками на спинках кровать. Ласкал, поглаживал сощуренными глазами крахмальную белизну простынь, горку подушек под тюлевой накидкой. И на этой постели жила и здравствовала власть мастера, полная и, как показалось Мишане, безраздельная. Мишаня это почувствовал, застыдился начавшей жить в сознании напрасной своей ревности. Ни-

чего не ответил. Да и не надо было ничего отвечать. Самого себя хотел слушать мастер. Обнял Мишаню за плечи, зашептал доверительно:

— Так вот и живем, братец... Часок-другой здесь отдыхаю... Душой отдыхать на-а-адо! Иначе дело — труба! — И умолк, словно не Мишане, себе что-то досказать хотел, но недосказал, поостерегся.

Мишаня этой недомолвки не заметил. Ожил, когда Юлию увидел.

Она вошла в комнату принаряженная — в белой кофточке навыпуск, клетчатой юбке, скрадывающей полноту. Русые волосы были стянуты на затылке строгим узлом. Поставила на стол тарелку с нарезанной квадратиками брынзой, пучок молодого лука, сало, глянула извинительно на гостей.

— Ну вот! Чем богаты! Хлеба, жаль, мало... Может, сбегать?

— Хва-атит! — замахал руками Филецкий. С оценочной придирчивостью оглядел стол, брынзы кусочек отпробовал, скривил капризно усики. — А это самое?!

— Ой, прошу прощения! — Юлия выбежала из комнаты, но возвратилась быстро, поставила на стол наполовину опорожненную бутылку, глянула на Филецкого с опаской:

— Неразбавленный, слышишь, Саша?!

— Разба-а-авим! — посветлел взором мастер. — Оп-па-а! — С ловкой точностью плеснул Мишане в стакан. — Чистый медицинский!..

— Да потише ты! — взмахнула руками Юлия.

— Ниче-е! Тут все свои! За своих, а, Миша?! Как тебя по отчеству кличут?

— Петрович... — тихо ответил Мишаня и глянул на Юлию, словно ей одной свое отчество сообщал.

Филецкий подмигнул Юлии:

— А он мне нравится! — Но тут же повысил голос: — Ну, Михаил Петрович! Давай за дипломиро-

ванную смену выпьем! Как там в газетах пишут? За преемственность традиций... Точно? Мы хотя и за холмами живем, но газеты и до нас доходят... Ну! За первый рабочий день! Тут что можно сказать? В практике ты, откровенно, не очень...

— Я на практике аммиачные установки обслуживал, — поднял голову Мишаня. — На хладокомбинате...

— Да ты что пристал к нему, Саша! — вступилась Юлия. — Научится еще...

— Конечно, научится! — усмехнулся Филецкий и подмигнул Мишане. — Научим! А? Михаил Петрович?!

Мишаня смолчал, смущенный запоздалым к себе вниманием, грел в руках стакан. Верно, все верно говорил мастер — опыта практического у него не было. День весь прожитый вспомнил. Старушка, обладательница холодильника, глянула в душу просящими глазами, тянет-протягивает смятые десятирублевки: «Последние, Сашенька, ей-бо, последние...» Неуютно на душе стало.

— Ты спирт когда-нибудь пил, Миша? Может, разбавить? — спросила Юлия.

Спирт Мишаня никогда не пробовал. Но отмеренную мастером дозу выпил с бесшабашной храбростью, единым духом, обжигая губы, закашлялся. Лицо его веснушчатое покраснело, слезы выступили на глазах, невидимые, правда, под стеклами очков.

— Лучком, лучком! Брынзочкой! — спохватился Филецкий. — Во-о-от! Молодец! Это по-нашему!

Но словно из далекого далека слышался его голос. До самой груди Мишаниной дошло его горячее дыхание. Сумеречный свет в комнате колыхнулся. И начали жить отчетливо и ясно все предметы этого укромного уголка. Коврик с лебединым озерцом на стене ожил. Стрелки на пожелтевшем циферблате стоящего на тумбочке будильника иное время отсчитывали, легкое, го-

рячее, полное ясного и важного смысла. Лицо Юлии приблизилось, голос доверчивый, ласковый манил, губы улыбались, сладко улыбались.

— Ешьте, ешьте! Вы ведь вчерашний студент, правда?

— Правда, — гулко ударило сердце Мишани.

— Я тоже техникум окончила. Только я уже третий год здесь живу. Третий год... — Юлия откинулась на стуле, склонив набок голову, и в глазах ее близких свет мелькнул, мечтательный, грустный. — Третий год! А когда приехала, все так непривычно было! И холмы, и виноград... Правда, меня на танцах не били. Я и на танцах всего-то раз была. Терпеть не могу местных кавалеров. Вообража-а-ают! А по городу скучаю. В область выберусь, мороженого наемся и радуюсь...

— Да-а-а! Культурки у нас мизер! — встрял Филецкий. Откровенность Юлина, по-видимому, пришлась ему не по душе. Взглянул на нее тяжело, исподлобья.

Юлия смутилась, обхватила плечи руками, словно озябла, сказала буднично:

— Ешь, Миша! Что ты, ей-богу, такой стеснительный?!

Но почудилась Мишане ласка заботливая в ее голосе. Легкая сила разгулялась в его груди. Не удержать ее теперь было. Он встал, окрепшим взглядом глянул в Юлины глаза, в манящую их сладкую жуть.

— Я поем... Я хотел сказать, что понимаю вас... И холмы здесь понимаю... Я в детстве думал, что земля — одна степь... Степь да степь кругом. Как в песне поется... Отец эту песню любит. Это про наши места...

— Да ты сядь! Сядь! Мы тебя и так видим! — с легкой досадцей в голосе перебил Филецкий.

— Я сяду, Саша! Только я скажу! Мне хорошо

здесь... Ко мне возле танцев пристали... Но мне не это обидно. Мне обидно, почему они меня сзади ударили? Почему?..

Глаза у Мишани горели, он стоял, опершись руками о стол. Галстучек из-под рубашки сбился набок, худая, но крепенькая шея вытянулась. Веснушчатое лицо было пунцовым.

Юлия глянула на Филецкого с укоризной:

— Саша! Не подливай ему... Все-таки спирт!

— А я не пьян! Не-ет! — обиделся Мишаня и скосил глаза на мастера. — Вы меня просто не поняли! Они меня сзади ударили, понимаешь, сзади!..

— Да что ты заладил? Сзади! Спереди! Разберемся! — Филецкий нехотя встал из-за стола. — Идем-ка на воздух! Идем! Спирт он и есть спирт...

— Нет! — заупрямился Мишаня. — Я не пьян. Не-е-ет!

— А кто говорит, что ты пьян? Никто ничего не говорит! — увещевал мастер, ловко подталкивая Мишаню к двери.

Сумеречная синь качнулась остудной прохладой в дверном проеме. На пороге Мишаня остановился. Ему было очень обидно от того, что его не поняли, ему казалось, что сейчас Юлия крикнет: «Останься! Не уходи!» Но в доме молчали. Мишаня поднял голову, звездная глыба хлынула в лицо. Шагнул, как в пропасть, в пропахшую сиренью темень...

— Дзанна-дзанн! Дзанна-дзанн! — вызванивало во дворе, из-под навеса. Это, дело ясное, дед стучит. Молоток у него хоть и легонький, а голосистый.

— Дуб-дуб! Дуб-дуб! — поддакивает сердитым баском дедовскому молотку тяжелый отцовский.

Мишаня крадется к дверям и, зажав портфель между ног, глядит: пахнет из жаркого сумрака кис-

лым дымком, стылым духом окалины. Хоть глаза завяжи, на ощупь, по запаху к кузне дойти можно. А уж по звону молотков догадаться совсем просто, что дед с отцом ухваты выковывают. Работа вроде пустячная, а одному не справиться. Привыкшими к сумраку глазами Мишаня видит, как дед вытаскивает щипцами из горна раскаленный до малинового цвета обрезок прута, а кончик у прута почти белый, звездочки порхают в разные стороны, сгорают, не долетев до земли. Лицо у деда от близкого жара кривится, он сутулит прямые плечи, из прохудившейся на залосненном до блеска фартуке дырочки, тельник видать.

— Давай, Петька-а! — покрикивает на отца. А какой он Петька? Он сам кузнец, человек солидный, с именем-отчеством. Отец на деда не обижается, молчит, как в рот воды набрал. Только губы поджимает в складочку (точь-в-точь, как у Мишани, когда сердится) и кувалдочкой — дуб! Дуб! — по зубилу. Глядь! А из прута вытягиваются две малиновые змейки, нехотя вытягиваются, уползти норовят в разные стороны. Не уползут, знает Мишаня, сейчас их дед в горне подогреет. А после только останется оттянуть полукругом по шаблону.

— Че хоронисся?! А ну выходи! — подает голос дед, и глаза его всевидящие взблескивают из сумерек на внука. — Выходи, выхо-одь! Скока принес? Показывай дневник...

Мишаня дневник деду не отдает. Очень надо, еще сажей замажет.

— Четверки! — отвечает нехотя. — По письму и арифметике! — И глядит исподлобья на деда.

— Силен! — отзывается отец. И щурит свои ресницы, улыбается, словно сам эти четверки получил, глядит просительно на деда.

— Пускай подсобит? А, батя?

— Подсоби-и-ит! — ворчит Прокопий Семеныч. — А спроси его, зачем он вчера горн разжигал?

— Гвозди делал... — вздыхает Мишаня.

— Гво-о-озди! — Дед выковыривает прутиком из шлака пережженный комочек проволоки. — Кузнец какой! Металл зазря попортил! От тебе эти гвозди в одно место всадить надо...

— Ладно, батя! Ну чего ты? Пускай учится, — примирительно машет рукой отец и Мишане подмигивает. — Ну-кась подкочегарь!

Мишаню дважды просить не надо. Держись, Прокопий Семеныч, колючая твоя душа. Проволоки пожалел! Тянется к ручке меха. Жаль, росточка не хватает. Ничего, зато опыт есть. Ящик из-под мыла под ноги. И вырос. Сжимает кулачками затертую до блеска дедом и отцом ручку, упругая сила пружинит вверх, и, кажется, всхлипывает кто-то сердито в сыромятно-влажном теле меха. Мишаня не поддается, тянет сильнее. Ага-а-а! Вот тебе, Прокопий Семеныч! Кто не кузнец? Мишаня не кузнец?

Робкие поначалу, будто огоньки свечек, высовываются из-под горки раскаленного угля желтые язычки, вырастая, тянутся вверх голубыми острыми лезвиями.

— Хорош, хорош! — вскидывает голову дед. — Кому сказал? Заготовки спалишь, едри твою двадцать...

А Мишаня не слышит, ручку меха крепко сжимает, тянет знай себе вверх-вниз, вверх-вниз.

— Хорош, сказал! Хоро-о-ош! — срывается в досадной обиде Прокопий Семеныч. Он на расправу скорый. Вытаскивает из горна раскаленный до белизны прут. Подступает к Мишане ближе, ближе. Руку вытягивает, стараясь дотянуться в самое лицо. Вот уже от огненного жара дыхание сушит, глаза жжет! Что же ты, отец, стоишь? Что же на подмогу не идешь? Слышишь, отец? Слышишь?..

Мишаня проснулся. Солнечный колкий свет бил ему в лицо, отсвечивал в люстре под потолком, на застекленном шкафу, набитом туго золотистыми, коричневыми, зелеными корешками невиданных книг. Напрягая память, Мишаня силился вспомнить: где он? Почему не в гостинице? Но вспомнить не мог — легкая пустота властвовала в сознании. Облизывая пересохшие губы, дивился богатому уюту незнакомого жилья, в сравнении с которым недавняя его гостиничная обитель, казавшаяся совершенством роскоши, блекла. В трехстворчатом трюмо отражался край дивана и сам Мишаня — белесые волосы взлохмачены, под левым глазом созревший синяк. Отвернулся, закрыл глаза, но за спиной послышались шаги.

— С добрым утром, начальник! — Филецкий присел на краешек дивана. Помолодевший, гладко выбритый, в светло-коричневом ворсистом пиджаке, застегнутом на деревянные палочки. Глаза глядели ясно и весело: — Тебе бы сейчас водички холодненькой. А?

— Пить хочется... — сознался Мишаня.

— Ну во-о-от! Молвил слово! — Филецкий подошел к тумбочке, налил из сифона воды, глядел с ревнивой грустью, как пьет Мишаня, будто жажде его завидовал. Потом прошелся по комнате, оглядел в трюмо свои ловко подбритые усики, усмехнулся:

— Да-а! Дал ты вчера перцу, Михаил Петрович! Как тебе, кстати, на новом месте? Я тебя пока тут положил. Это моя изба-читальня, — погладил любовно ореховую полировку книжного шкафа, ловил ожидаемое завидное восхищение в глазах гостя. Но лицо у Мишани было рассеянным.

— Чемодан мой где?

— Да ты что? Вовсе не помнишь? Мы ж его вчера из гостиницы забрали. Ты еще ехать отказывался. Насилу в коляску усадил! — Глаза Филецкого блесну-

ли. — Это что-о-о! Семечки! Ты Юльке чуть дверь не выломал... Между прочим, в любви объяснялся!..

— Врешь!

— Да ты что? Вре-ешь! — вздохнул примирительно мастер. — Бы-ы-ыло! Ничего, я не ревнивый... В дверь ты, конечно, ломи-и-ился!

— Она обиделась? — спросил Мишаня и тут же пожалел, что спросил, потому что почувствовал, как горячим румянцем вспыхнули щеки.

— Обиделась? Не то слово! Вези, говорит, домой своего механика! А то с такой компанией меня хозяйка выселит! — топтал, казнил Мишанину душу мастер. — Ниче! Бывает! Мне этот вечер для анализа интересен. Я за пьянку не голосую. Но по пьянке любого человека можно узнать... Трезвый ты тихенький. А тут такое в тебе! Э-э-э! Я его в коляску! Он ни в какую! Хоть режь! Откуда такое упрямство? Природа-матушка, братец, та-айна! Ладно. Умывайся иди...

Через несколько минут сидели за столом на кухне. И Мишаня, осознавший весь ужас своего вчерашнего падения, чувствовал себя скованно, сидел, насупившись, прислушиваясь к голосу жены Филецкого, старался угадать, знает ли она о всех их вчерашних похождениях, и невольно, сам того не замечая, сравнивал ее с Юлией. Но сходства, даже отдаленного, не находил.

Жена у мастера, Марина, была смуглолицая брюнетка. Черные волосы по-мальчишечьи коротко острижены и зачесаны на пробор, маленький носик вздернут. Она примостилась на краешке стула пугливой гостьей, увидела Мишаню, по-птичьи склонила набок голову. Большие влажно-карие глаза словно вскрикнули безмолвно: «Кто ты?» Голос у нее был грудной, приятный.

Из неведомой глубины комнат, словно б

бабоч-

ка на свет, в кухню впорхнула девчушка лет восьми. Хвостики-косички в белых бантах, фартук белый, черные глазки блестят влажными угольками, вот-вот рассмеется.

— Ешь быстрее! — сказала Марина с ревниво-материнским беспокойством в голосе.

Девчушка принялась торопливо пить чай, откусывая хлеб с маслом крепенькими белыми зубками. Лицо ее сделалось сосредоточенным и немного испуганным. Видать, голос матери хотя со стороны и казался мягким, но власть над ее сердечком имел безраздельную.

— А ты что как засватанный? — Филецкий подвинул Мишане чашку с чаем. — Налетай! — И взглянул на жену с почтительной робостью. — Наш главный механик, Мариша!

Марина снова взглянула на Мишаню своими внимательными, словно терпящими боль глазами и улыбнулась.

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

Девчушка почувяла временную свободу, взглянула на Мишаню и усмехнулась в чашку.

— Лена! Накажу! — повысила голос мать.

Девчушка притихла. «Надо мной смеялась!» — мелькнула догадка в Мишанином сознании. Вспомнил, что не надел очки. Да и не было их. Потерял где-то вчера. Но прежней смущенной неловкости уже не испытывал. Ему вдруг стало безразлично, что подумает и эта девчушка, и мать ее, — отхлебывал остывший чай. Чай был несладкий. Но попросить сахарницу, стоящую у Марининого локтя, не осмелился. Старался вовсе не глядеть на жену Филецкого. Уж конечно, он это чувствовал определенно, все она знает про вчерашний вечер. В тягостном этом чаепитии таилось неловкое напряжение, неведомая Мишане чужая жизнь. Ему хотелось встать и уйти в гостиницу, сейчас же уйти. Покопился на мастера. Он тоже не был похож на

себя вчерашнего. Как только в кухню вошел, снисходительную свою самоуверенность оставил за дверью. Все поглядывал угодливо на жену, успел рассказать ей об оказии, случившейся с Мишаней на танцах. Марина с молчаливой сдержанностью выслушала его, а Мишане улыбнулась.

— Ничего! Пройдет! — И такой участливой, ясной была ее улыбка, словно теплом невидимым на Мишаню пахнуло. Он тоже улыбнулся, пиджачок оправил. Слава богу, пиджачок был цел, остатки представительности с горем пополам сохранял, — техникумовский значок на месте, и галстук удавистым узелком стягивал ворот примятой рубашки. Но Леночка, взглянув на Мишаню, снова хихикнула.

— А ну не балуй! — повысил голос Филецкий. Но Леночка на него даже не взглянула, поджав губки, встала из-за стола, понесла чашку к раковине.

— Мыть не надо, опаздываем! — сказала Марина. И поглядела на мужа так, словно хотела что-то сказать ему одному, но передумала, вздохнула и вышла.

Дверь на веранде хлопнула, Филецкий подмигнул Мишане, пристукнул легонько кулаком по столу:

— Пронесло-о! Елки зеленые! Ведь чувствует, чувствует, а молчит! Тя-янет душу... Кошки! — И поглядел на Мишаню окрепшим, уверенным взглядом. — А ты молодец! Ничего не сболтнул... А то она у меня ревизо-о-ор!

— Ревизором работает? — поднял голову Мишаня.

— Нет! Что ты?! — усмехнулся Филецкий. — Она у меня преподаватель в младших классах. Ревизор! Скажешь тоже... — Он помолчал, выдохнул задумчиво: — В школе тоже работка будь здоров! Тут одна, а там тридцать. За день голова опухает...

Лицо невозмутимое мастера видел Мишаня, голос его слышал, а слова не доходили до сознания. Стояло в глазах вчерашнее застолье, улыбка Юлина, сладкая, манящая, комнатка-светелка.

— Ну что скис? Ну-у! — властвовал беспечный голос Филецкого. Глаза его горячие щурились. Блудила в черных зрачках масляная радость. — Пивца бы сейчас! А? Холодненького! Э-э-эх!

— Не хочу я ничего!

— Ну-ну! Не хочет он... Иде-ем!

4

Какое это было утро! Ясное, солнечное! На радость и утеху родилось для людей в рассветный час! словно вымытые чистым дождем зеленели холмы, укутанные у подножия парным туманцем. И воздух в разгулявшемся солнечном свете мятной льдинкой щекотал ноздри. Дыши не надышишься! Туманец потихоньку сползал с холмов, курился над Ачурами, над черепичными крышами, над акациями вдоль дороги. Врусчатка мостовой влажно блестела. А солнце все выше и выше тянулось в голубеющую высотень, в свое бездонное и бескрайнее царство.

— Красота-а-а-а! — гремел над Мишаниным ухом откашлявшийся от хрипотцы голос мастера. — У меня, между прочим, в позапрошлом году художник жил. Аж из Москвы-ы-ы! Первые дни шалый ходил. «Ах, места-та у вас хороши-та!» Я его утром разбуду: «Чего не малюешь?» А он: «Да я, понимаете-та, портретист!» — «Ну, — говорю, — меня изобрази!» — «Нет! У вас лицо слишком типичное-та!» — «Как это типичное?» — «Ну распространенное-та...» — «А какие тебе надо?» — «Мне бы, понимаете, старичка-та какого-нибудь столетнего!» — «Ла-а-адно, — говорю, — старичков у нас навалом!» И в Лебедевку его привез... Старушку, что холодильник вчера делали, помнишь? Дед у нее был. Лет сто с мелочью прожил. Сухой как доска. Борода белая, лопа-а-атой! Художник мой чуть не взбесился. «Во натура-та! Во находка!» — «Тю-ю-ю! — говорю. — Да я по району помотаюсь, я тебе та-

ких стариков найду, пальчики оближешь! И все георгиевские кавалеры!» — «Не надо-та! И этот хорош!» Короче, нарисовал он этого старика, уехал. «Портрет, — говорит, — я на выставку представляю!» Открытку с Новым годом прислал. А про портрет молчок. Может, там, в Москве, у кого подлинней борода нашлась... А может, другое что... Черт его знает...

Так не спеша и осилили дорогу к райпотребсоюзу. Филецкий предложил сначала к гастроному подойти, но Мишаня наотрез отказался.

— Мне зайти надо...

— Давай, давай, отметься! — усмехнулся мастер.

Мишаня поднялся на второй этаж. Со стенда с фотографиями передовиков районной кооперации глядела на него заведующая горячим цехом ресторанной кухни Анна Васильевна. Там, на кухне, в живой действительной жизни в день знакомства с Мишаней лицо ее было по-матерински ласковым, добродушно-доверчивым, а с фотографии глядела она со сдержанной строгостью и осуждением, словно сказать хотела: «Что ж ты, сынок? Как жизнь начинаешь?»

Мишаня вздохнул. У знакомого кабинета подтянул потуже галстучек. Показалось на мгновение, что последняя встреча с Юрием Аркадьевичем была очень давно. Но и сейчас, по правде сказать, не хотелось Мишане с ним видеться. А когда в кабинет вошел, понял, что робел напрасно, потому как Юрий Аркадьевич встретил его с благодушной улыбкой. Встал даже из-за стола и руку пожал.

— Ну-ну! Рассказывайте! Как холодильники проживают? Какие жалобы?

— С инструментом неважно, — сдержанно ответил Мишаня.

Юрий Аркадьевич попросил с инструментом ма-

лость обождать. Инструмент будет, и в скором времени. И улыбнулся.

— Мы вам тут кабинетик, так сказать, продумали. Прошу! — И танцующим шажком направился в соседнюю комнату, узенькую и длинную, как школьный пенал. Окно в комнате загоразивал шкаф с бельмастыми стеклами, оттого было здесь сумеречно и пахло плесенью.

— Шкафчик можно отодвинуть! — предложил Юрий Аркадьевич. — А столик к окну... Сойдет, так сказать? Как полагаете?

— Сойдет, — сказал Мишаня. И тут же вспомнил дедовские шуточные рассуждения. «Вот тебе и чин, и кабинет! Телефона вот только не хватает...» И, словно разгадав Мишанины мысли, Юрий Аркадьевич извинительно вздохнул:

— Телефончика, к сожалению, не имеется, Михаил Петрович! — И сжал губы задумчивой ниточкой. — Впрочем, зачем он вам, телефон? Работа у вас, как говорится, крутись — не споткнись. А насчет инструмента не беспокойтесь. Это уладим...

Лицо у заместителя председателя стало вдруг скучно-озабоченным, казалось, забыл он о Мишане. Потом спросил:

— Может, у вас какие-нибудь вопросы есть ко мне? Вы не стесняйтесь...

— Как мне с жильем быть?

— О! Это дело нелегкое! — вздохнул Юрий Аркадьевич. — Строительство у нас, конечно, ведется. Но темпы, темпы... А что, в гостинице вам не уютно?

Почуял в его голосе Мишаня снисходительную насмешку. Будто знал точно, что не в гостинице сейчас живет Мишаня. Да и не только это. А и то, что делал вчера вечером Сенцов, где был и с кем был...

Нестерпимо на воздух, живой майский свет захотелось выйти...

Филецкого он встретил в скверике у гастронома — мастер пил пиво. Протянул Мишане бутылку, легко, без усилия, ногтем большого пальца сбил пробку.

— Чешское! — И усмехнулся заговорщицки. — Ну? Научили жить?

— Кабинет показывал...

— Юрий Аркадьич, что ли? Я-ясно! В кабинете ты, брат, успеешь насидеться...

— А ты с ним хорошо знаком?

— С кем это? — насторожился Филецкий.

— С Юрием Аркадьичем...

— Знаком, конечно! А чего ты спрашиваешь?

— Да так просто. — Мишаня опустил голову, чтобы глаз Филецкого не видеть, чтобы не чувствовать его озадаченно-ревнивого взгляда.

— Темни-и-ишь! — усмехнулся мастер.

— Ничего я не темню!

— Ну ладно... — Филецкий допил пиво, оглядел с сожалением пустую бутылку, спросил просящим голосом: — Пойдем, что ли?

— Куда?

— Сейчас увидишь... — И зашагал хозяином по тротуару мимо проснувшихся, зазывно распахнутых настезь магазинчиков, блестящих празднично вымытыми окнами. Там, в прохладе окропленных цементных полов, теснились у прилавков покупатели. Мишаня шел следом за мастером, читал вывески, обживался глазами в новом городе. Прошли площадь, заполненную автобусами, праздничными людьми, толпившимися у окошечек касс, Филецкий свернул в переулок, к рынку, огороженному белевшей известью каменной оградой. Там, за этой оградой, здравствовала, гудела растревоженным ульем людская сутолока. Цветастые платья, белые косынки женщин у дощатых, выпеченных солнцем прилавков, уставленных щедро весенней зеленью огородных владений; румянились розовыми

личиками пучки редиски, зеленые стрелы лука, чеснока, букетики петрушки. Гляди не нагладишься! Кое-где не по сезону тянули магнитом взгляд первые помидоры. Мишаня о цене поинтересовался.

— Что, дорого? — усмехнулся мастер. — Зато есть. Есть, Михаил Петрович! Иди купи в магазине! Э-э-э! Без частника, что там ни крути, а государство не потя-я-янет! Частник, братец, никогда не умрет! — Тянул Мишаню дальше, в глубь рынка, напрямик к беленькому, с покатою, как у скворечни, крышей домику, на котором, как броский околыш под козырьком, чернела вывеска: МЯСО — РЫБА.

Дверь в домике была закрыта. На обглоданном цементном пороге в скучной покорности толпился народ. В основном женщины. Лица не улыбочивые, с недоверчивой косинкой во взглядах. Филецкий шел уверенно, высоко держа голову, отстраняя мешавших проходу людей бессловесно, как неодушевленные предметы. Постучал в зарешеченное окошко властной рукой.

Дверь тотчас же отворилась. Кровяным сумраком пахнул в Мишанино лицо мясной дух. Вгляделся из-за спины Филецкого на освещенный оконным светом цинк прилавка и на плешивого, низенького, но кряжистого человека в замызганной ржавью белой куртке.

Видать, до их прихода человек был занят делом, на прилавке лежали счета, стопочка исписанных карандашом ведомостей.

— Ну и как? Сходится? — осведомился Филецкий.

— Как в аптеке, Сашуля! Как в аптеке! — Человек ожил, засуетился, быстрехонько накинул крючок на дверь, успел даже крикнуть нетерпеливой очереди: — Сейчас подвезут! Сейча-ас! — Сморщился, как от зубной боли. — Ну, народ! Ни терпения! Ни уважения! Дай волю, самого съедят...

— Тебя съешь! — заметил раздраженно Филецкий.

— Точно, Сашуля, не съедят! Я мосластый! — зарделся в игривом смущении мясник. И засмеялся давким, шипящим смехом. Глаза его с воспаленными белками сплюснулись в щелочки, глянули на Мишаню. — А это же кто?

Мишаня хотел сам отрекомендоваться, но Филецкий опередил:

— Главный механик райпотребсоюза по холодильным установкам. Прошу любить и подчиняться!

— Ну-у! — Мясник даже присел в притворном испуге, глянул, набычившись, на Мишаню, словно прыгнуть на него собрался, руку пухлую о штаны вытер. — Будем знакомы! Фотий Маркелыч! — Ощупал глазами главного механика с ног до головы, спросил у Филецкого: — Чего ж это он такой худой? А? Худо-о-ой! Точно как я до войны был, как на базу пришел. Да куда там? Я был худее! Вас как по имени-отчеству, извиняюсь?..

— Петрович... — ответил Мишаня и голову потупил, сбитый с толку оценочной критикой своей комплекции.

— Вот-вот, Михаил Петрович! — обрадовался мясник. — Какой, скажите, у вас вес будет? Да я вам и так, на глаз, прикину, кил сорок девять — пиисят с копейками... Больше не потянете! А я, сахарный мой, тока сорок имел у ваши годы! И то с ботинками. Вре-е-е-мя! И чего тока оно не делает с человеком?!

Филецкий будто и не слышал этого разговора, опершись о прилавок, разглядывал магазинную пустоту, морщил брезгливо усики.

— Вонница у тебя!

— Так холоду ж нима! — ответил Фотий Маркелыч и сам принялся. О Мишане вмиг позабыл, глядел угодливо на мастера. — Нету холода, Сашуля! Ни грамму нету!

— Ла-адно, посмотрим... — Филецкий прислушивался к натруженному гулу компрессора, хлопал дверцами, вглядываясь в голодную пустоту холодильных камер, морщился. — Ну и смра-а-ад! Собак дохлых, что ли, хранил тут?

— Печеночка лежала, Сашуля! Печеночка, сахарный мой!

— Говяжья или свиная? — прокурорствовал Филецкий.

— Говяжья, Сашуля, говяжья! — обрадовался мясник и Мишане подмигнул. — С картошечкой, а? Михаил Петрович?!

Мишаня не ответил, глядел на мастера, который уже снимал оградительную решетку с компрессора.

— Гайку надо подвинтить на всасывающем патрубке! — сказал, не оборачиваясь.

Мишаня принялся стучать разводным ключом.

— Может, того! Стульчик надо? — предложил Фотий Маркелыч, деликатно кашлянув в кулак.

— Не на-а-адо! — отозвался Филецкий. Лицо его морщилось в брезгливой досаде. Тонкий, с чуть приметной горбинкой нос вытянулся. Склонив голову набок, вслушивался он в гудение компрессора, мрачнел, словно болезнь машинная и его задела. Глянул на мясника с открытой неприязнью:

— Хлам почему не убираешь? К агрегату не подступишься! Что тут у тебя за мешки?!

— Нормальный режим работы достигается при максимальном доступе воздуха к компрессору! — вставил к месту свое, ученое, Мишаня.

— Во-о! Слышал? — злорадствовал мастер.

— Места маловато, Сашуля! — мялся Фотий Маркелыч. — Тут, крути-верти, мясу тоже простор нужен. Так оно получается вообще...

— Вообще-е-е! — передразнил Филецкий. — Сейчас вот составим акт о небрежности эксплуатации! Пусть с тебя вырезку срезают...

— Так я ж мосластый! — хихикнул мясник. — Какая с меня вырезка? Ко-о-ости, Сашуля! — Его пунцовое личико вдруг застыло в улыбке, глазки блеснули. — А если насчет вырезки, то у меня есть! Для милых друзей! Для сахарных моих... Зря, Сашуля, зря-а! — Вытащил из потайных подприлавочных запасов кровяную, набухшую мякоть, зашуршал газеткой. — Высший сорт! А? Телочка! На понюхай! С лучком ее, мамочку, под стопарик! Гоп-ца-ца-а!

Филецкий будто и мяса не видел, ни шуршания газетного не слышал. Черные его волосы слиплись на лбу, наставлял Мишаню:

— Учись на ощупь чувствовать! Понял-нет? Ладонью потрогай кожух...

— Горячий...

— Руку можно держать?

— Печет...

— Во-о-о! Значит, надрывается! Что надо делать?

— Если теплоприток выше допустимой нормы, значит, перегрузка при всасывании... — ответил, чувствуя забытое экзаменационное смущение, Мишаня.

— Ты мне теорию не разводи! — недовольно перебил Филецкий. — Я техникумов не кончал! Тут все просто... Теплоприток отчего? Ручка на дверцах сорвана! Соображать надо, товарищ главный механик!

— Это грузчик зацепил! — подал голос Фотий Маркелыч. — Истинный крест, грузчик...

— С тебя спросят, а не с грузчика! Ты лицо ответственное! — окреп голосом мастер.

Полчаса спустя оба, порядком измаявшись, агрегат наладили. Филецкий, вытирая руки полотенцем, услужливо поданным Фотием Маркелычем, напутствовал:

— И гигиену соблюдай! Санинспекция нагрянет — даст прикурить!

— Не да-аст! — вслушиваясь с умилением в помолодевшее рокотанье компрессора, улыбнулся мяс-

ник. — Не да-аст, Сашуля! Инспекция, она ить не святым духом питается! Она, сахарная, тоже мяско любит...

— На вегетарианца нарвешься! — усмехнулся Филецкий.

— Это же кто такой будет? — растерялся Фотий Маркелыч.

Филецкий подмигнул Мишане. Вырезку, завернутую в газету, приспособил в уголок чемоданчика, щелкнул замками.

— Темнота ты, Фока! Вегетарианцы — люди, специально обученные. Мяса в рот не берут. Нарвешься!

Фотий Маркелыч захихикал, ухватистыми руками обнял мастера за талию.

— Люблю-ю-ю! За что я тебя люблю, Сашуля?! За юмор! Как ты говоришь? Вегетарьянец? Не встречал! Двадцать лет мясом торгую! Ну отколол ты! Ну, Сашуля! Сахарный ты мой.. — Он еще что-то добавить хотел, плечи его тряслись, глаза влажно блестели, но не успел, — в дверь требовательно постучали.

Фотий Маркелыч бросился открывать.

На пороге с бараньей тушей на плече стоял парень. Выгоревшие на солнце волосы свисали по самые брови, слегка припухшие карие глаза остекленели в усердии, слюнявился в уголках щучьих губ потухший окурок.

— Принимай товар, Фока!

— Слава те, господи! — засуетился Фотий Маркелыч. — А я думал, забыли... Сахарные мои-и!

— Чего тебя забывать? Не-е-е! — с облегчением выдохнул парень и бросил с деревянным стуком баранью тушу на цинк прилавка, распрямил спину. Под завязанной узлом на животе рубашкой мелькнуло загорелое крепкое тело. И, прежде чем шаг шагнуть за порог к грузовику-фургону, полоснул по Мишаниному лицу своим прищуренным взглядом. Мгно-

вение какое-то оба смотрели друг на друга, глаза в глаза.

Мишаня сжал кулаки.

Недавний обидчик, неотомщенный виновник с танцевальной площадки был перед ним.

— Ты чего? — спросил мастер и взглянул на Мишаню с удивленной усмешкой.

— Ничего...

Филецкий перевел взгляд на парня. И черные глаза его налились тяжелой, холодной силой.

— Ясненько! — Он не спеша закурил и, когда парень снова появился в дверях, терпеливо дождался, покуда тот сбросит тушу на прилавок.

— Иди сюда! — сказал как ударил.

Парень растерялся. Снова взглянул на Мишаню.

— На кого же ты руку поднял? А, друг ситный? — беспредельно усталый и скучный слышался голос мастера. — Нехорошо-о-о! Ай как плохо-о-о!

— Я сам с ним поговорю! — перебил Мишаня. — Идем выйдем!

— Что случилось, Сашуля? Что такое случилось? — забеспокоился Фотий Маркелыч.

— Подожди-и-и! — отмахнулся Филецкий и покосился на Мишаню. — Зачем выходить? Много чести!

— Я сам с ним разберусь! — уперся Мишаня.

— Да брось ты! — Мастер схватил Мишаниного обидчика за рукав. — А ну иди сюда, капуста! На кого руку, спрашиваю, поднял?

— По пьянке, Саш! — выдохнул парень. Волосы со лба откинул, голову поджал, улыбался плаксиво. — По пьянке...

— А мы сейчас тебя по-трезвому! — прошептал беззлобно мастер. И, словно тяжелой тенью, ожег взглядом Мишаню. — Бей! — Голос его в тишине магазина прозвучал резко, как удар кнута. В сознании Мишанином запечатлелись растерянные лица Фотия

Маркелыча, парня, и он почувствовал, как обида его усохла, пропала бесследно, как вода в песке. Он стоял не двигаясь, сжимая кулаки, краснел, ненавидел свою слабость. Но ничего поделать с собой не мог.

— Ты извини, корешок! Ошибочка вышла! Мы это дело замоем! Зуб даю, корешок... — молил свистящим шепотком парень. — Извини, слышишь?

Филецкий догнал Мишаню уже у самых ворот рынка. Выдохнул с досадой:

— Эх ты-ы!

— Что я? — взвился как ужаленный Мишаня. — Не мог я его ударить! Понимаешь, не мог...

— Не мо-о-о-ог! А ты моги! Иначе затопчут! — Голос мастера звенел сталью, черные глаза горели холодно, зло. — Затопчут, и не пикнешь!

Мишаня почувствовал вдруг, как в груди его напруглась упрямая, жаркая сила, но сдержал себя, ответил тихо:

— Не затопчут! Мне его жалко стало...

— Ты б ему и второй глаз подставил, раз жалко! Чего ж не подставил? — кривились в снисходительной ухмылке усики Филецкого. — Жалко ему стало! Исус Христос нашелся. Ты это кончай! В жизни все просто. Или ты! Или тебя! Середины не бывает. Понял?

— А ты меня не учи! Как-нибудь сам разберусь! — напрягся голосом Мишаня, глянул на мастера исподлобья. Веснушчатое, тронутое згаром лицо его покраснелось.

Филецкий примирительно улыбнулся.

— Ну-ну! Ла-а-адно тебе! Не лезь в бутылку! — И рукой по плечу хотел похлопать Мишаню.

— Оста-авь! — Мишаня вывернулся, зашагал прочь по жаркой пустынной улице.

Неуютно, гадко было на душе. «Затопчут! Не пикнешь! Затопчут! Не пикнешь!» — звенел в ушах голос Филецкого. «Ну уж не-ет! Не будет такого!» Шел быстро, ссутулившись, словно старался удержать в разгоряченном сознании досадную свою обиду. Ну не ударил он обидчика. Разве это значит, что струсил? Нет ведь. Как его ударить, если в глазах не было защиты... Нет, нет, тут все верно... Кто он такой, Филецкий? Какое у него право учить жить Мишаню? Нет у него таких прав. «Зря в гостинице не остался! Спокойнее было бы...»

Взбираясь вверх по разгоряченному асфальту улицы, Мишаня порядком устал. Ровные белостенные домики по обеим сторонам дороги казались раскаленными добела, и только со дворов, укрытых от палящего солнца виноградными шпалерами, тянуло прохладой. Чужими казались Мишане эти дома, чужим город. Свернув в переулок к дому, где жил Филецкий, гостем вошел во двор.

Дом казался безлюдным. И даже по первому, мимолетному взгляду видать было, что построили его недавно. Стены были наспех обмазаны глиной, дотронешься — соломинки колют ладонь. Крыша шиферная, с выписанными голубой краской петухами на дымовой трубе, но без водостока. На залитом асфальтом дворе под тоненькой ивой валялся протектор от трактора и непонятно откуда взявшийся и для какой нужды необходимый пожарный насос. У крыльца буйно разросся розовый куст с упругими головками бутонов.

— Рвать нельзя! — толкнул в спину Мишани звонкий голосок.

Дочка Филецкого — Леночка выбежала на крыльцо. Простенькое платьице короткое, коленки цыплячьи торчат, на одном ссадина, щедро смазанная зеленкой. Голову Леночка держала чуть набок, губки строго сжаты, глазенки поблескивают влажными угольками.

— Нельзя рвать!

— А я и не рву! Очень мне надо! — не растерялся Мишаня. Вспомнил, что он перед ней все-таки Михаил Петрович, человек серьезный и самостоятельный, вошел в дом.

Девчушка следом.

— Ботинки снимайте!

— А вот и не сниму!

— Надо. — Леночка вздохнула. — Мамаля лаять-ся будет...

Личико у нее стало по-взрослому озабоченным. Крепко, видать, держалась над ней материнская власть.

Хозяйки дома не было.

Мишаня разулся. А Леночка, уставшая от своей строгости, уселась за столик у окна рисовать. Наверное, этим занятием она занималась и до Мишаниного прихода. С пяток листиков, вырванных из ученической тетради, были уже изрисованы цветами и рожицами. Леночка казалась увлеченной, но Мишаня чувствовал спиной ее стерегущие глазки.

Комната была просторной и похожа на музей. Пол-стены занимал застекленный шкаф, напоказ, как в музее, заставленный посудой: хрустальными вазами, фужерами, даже ежик хрустальный имелся на верхней полке. Противоположную стену заслоняли книги, множество книг. Кресло на стальной куриной лапе, кровать-диван, на котором спал в недавнюю ночь Мишаня, были застелены атласными покрывалами, особо не рассидишься.

— Чемодан мой где?

Леночка оторвалась от рисования, глянула на Мишаню удивленно.

— А чемодан мамаля убрала! Вы не здесь будете жить!

— Я сам знаю, где я буду жить! — ответил Мишаня.

— А вот и не знаете! И не знаете! — Глазки у девчушки вспыхнули лукавыми огоньками. — Идемте покажу! Идемте...

И повела Мишаню в коридор, мимо кухни, толкнула ладошкой дверь, не поддавалась. Плечиком поддела, отворилась.

— Вот!..

Комната была как комната. Окном во двор. И хотя опрятно пахло здесь свежeweымытым полом, видать было, что служила она хранилищем отживших свой век вещей, которые и гостям не покажешь и выбросить жалко. Главным, по старшинству, был здесь буфет кустарной работы. Тусклые стекла мерцали зеленой мутью, словно хранили обидную память об изменчивой хозяйской любви. В углу комнаты стояла этажерка, туго забитая старыми книгами, которым тоже, наверное, не нашлось места в застекленных шкафах «избы-читальни». В углу валялся пресс для отжима винограда, прикрытый газетой. Кровать у окна, накрытая красным стеганым одеялом, опрятно белела подворотничком чистой простыни.

— Здесь вы будете спать! — сказала торжественно Леночка.

— Буду, только не здесь... — поправил Мишаня.

Он открыл чемодан, лежавший на стуле, рядом с кроватью, все было на месте, в целости и сохранности, щелкнул замками, но выйти за порог не успел.

В коридоре слышались шаги, быстрые, по-хозяйски уверенные, дверь отворилась, и в комнату вошла Марина, раскрасневшаяся, худенькая, с прилипшей на лбу мальчишеской челкой. Вытянув удивленно голову, она оглядела комнату, взгляд ее остановился на Мишане.

— Куда это вы собрались?

— В гостиницу... — глухо ответил Мишаня.

— Как в гостиницу? — Марина растерялась. Глянула испуганно на Леночку, потом снова на Миша-

ню. — Как в гостиницу? А я все убрала, приготовила... Как же это так? Нет! Никуда я вас не пущу. И не думайте! — Она поставила на пол сумку с продуктами, подняла голову. Но голос ее уверенный будто надломился. — Может, что-нибудь случилось? Что вы молчите? Саша где?

Мишаня потупился.

— Ничего не случилось...

— Нет! Вы что-то недоговариваете! Я ведь вижу...

— Ничего не случилось, — повторил Мишаня. — Мне в гостинице лучше будет...

— Нет, нет! Вы правду скажите! — не отступала Марина. — Вы поругались с Сашей. Я ведь чувствую, что поругались! — Она присела на кровать, ударила сухоньким кулачком по коленке. — Господи! Всегда что-нибудь да не так! Всегда...

Мишане стало неловко, захотелось уйти поскорее из этого дома. Но, когда он направился к двери, Марина вдруг резко поднялась, встала на пороге.

— Не уходите! Пожалуйста! Он ведь меня съест, если я вас отпущу... Пожалуйста, не уходите!

Мучительная мольба звенела в ее голосе. Она прикрыла ладошками глаза, словно хотела снять с себя невидимую напряженную тяжесть, и виновато улыбнулась.

— Не обижайтесь на Сашу... Я знаю, он что-то вам сказал... Он вообще-то неплохой. Но бывает назойливым... Знаю, знаю. Наверное, учил вас, как жить на свете. Ведь правда?

— Было немного... — сознался Мишаня.

— Ну вот видите! Я так и думала! Не стоит за это на него обижаться! — Марина облегченно вздохнула. — Он тако-ой! Мы с ним когда поженились, я и рта открыть не могла... Все наставлял... Я ему иной раз скажу: «Тебе бы лекции читать, а не холодильники ремонтировать!» Я вот пединститут окончила, и то он меня за пояс затыкает. Морали-и-ист! — Она

умолкла, глянула озабоченно на Мишаню. — А я только со школы... Вы, наверное, есть хотите?

— Да спасибо... — замялся Мишаня.

— Ну-у! Спасибо! А я вот голодная! Идемте на кухню! Идемте! Я готовить буду, а вы рассказывать. Люблю слушать. Я ведь вас совсем не знаю...

Билет в неведомую жизнь, купленный заблаговременно на поезд дальнего следования, был уже у Мишани в кармане. И время пришло уезжать. Отец обещался проводить его до станции, пришел из мастерских к полудню. Умывшись, надел чистую рубаху, пиджак из синего габардина, казавшийся тесным на кряжистом, не привыкшем к праздничной скованности теле, отчего отцу было неловко и он томился в молчании. Крутособое лицо его оставалось, как всегда, спокойным, но руки, сжатые в кулаки и скованные манжетами белой рубахи, казались безжизненно-чужими.

Степка, младший братишка, путался у ног, шмыгал носом.

— Высморкайся! — не стерпел отец.

Степка вытерся рукавом, по-взрослому вздохнул. Разлука с братом предстояла долгая. И он уже осознавал ее своим маленьким сердечком, но что делать и говорить в таких случаях, не знал. Не знал и Мишаня, сидел и молчал. Ему было чего-то жаль, неосознанная вина смущала душу. Вот он сидит здесь, в обжитых, родных с детства стенах, и покой здесь надежный, устоявшийся, а душе тесно. Скорее бы уже выйти из дому.

Маленькая стрелка настенных ходиков с бегающими кошачьими глазами словно приросла к циферблату. Отец послал Степку разузнать, где там мать подевалась, вытащил из кармана свои часы, начал прилаживать на запястье, долго не мог попасть зацепкой в дырочку ремешка.

— Дай-ка! — Мишаня наклонился к отцовской руке. Невыветриваемым, несмываемым мылом духом кузни пахнуло в лицо. Отец облегченно вздохнул, глянул на сына.

— Ниче не забыл?

— Нет вроде...

— Проверь, мало ли...

Мишаня открыл чемодан новенькой коричневой фибры, купленный в области на подъемные деньги, — все в чемодане было в порядке. В уголке потрепанный «Справочник холодильщика» (неведомо еще, какие агрегаты придется обслуживать), полотенце, бельишко, собранное матерью с утра, и главная ценность — диплом с вытесненной державной печатью на обложке, вместе с направлением на работу завернутый в целлофановый пакетик. Диплом в доме все уже разглядели. Начальник совхозных мастерских Николай Олейников (с сыном его, Володькой, Мишаня учился до восьмого класса) тоже заходил, разглядывал, держа на вытянутых руках, шевелил губами, и видел Мишаня, как отец, обычно сдержанный в радости, вдруг зарделся, по-мальчишески похлопал Олейникова по плечу: «От так оно!.. Николай Христофорыч!» Олейников поначалу ничего на это не ответил. А что ему было отвечать? Сын его, Володька, до дипломированной высоты не добрался, хотя возможность дать ему образование у начальника мастерских была. Но Володька окончил курсы шоферов и уже успел разбить вдрызг новенький «зиллок». Об этом в совхозе все знали. «Да-а-а! — не то с усмешкой, не то с завистью вздохнул Олейников, возвращая Мишане диплом. — Дед с отцом, значит, кузнецы! А ты интеллигент, выходит! Так?» — «А что ты хочешь, — ответил за Мишаню отец. — Я всю жизнь дымом дыхаю и ему дышать? Так ты хочешь?» — «Ничего я не хочу...» — увернулся от прямого ответа Николай Христофорыч и пошел прочь со двора. Не попрощался даже. Мишаня держал в руках

синие корешки и, оставшись наедине, вчитывался в свою, выписанную каллиграфическим почерком фамилию. Будто и своя, а будто бы и чужая. А магическое «Решением квалификационной комиссии» и штампик «Нагрудный знак выдан» прочел не один раз. Вот он, этот нагрудный знак, сияет голубым перламутром на лацкане пиджака. Вроде не знак — орден.

— А ну дай-ка я ручку подожду чуток... — спохватился отец. — А то в дороге чемодан потеряешь! — Вытащил из шкафчика плоскогубцы, начал вертеть-разглядывать Мишанину покупку, морщинки на лбу разгладились, сбежались у глаз. Обрадовался, что есть работа рукам.

— Мастера-а-а! Ити их в душу! Для кого только делают...

— Да нормально там все! — забеспокоился почему-то Мишаня.

— Где ж нормально? Глянь, зазор в скобке! Чуть больше весу, и на разрыв пойдет!

Замечание было верным.

— Ладно. Дай сам подожду, — предложил Мишаня.

— Сиди! — отмахнулся отец. — Когда покупал, глядеть надо было! Себе же покупаешь, не дяде... Проверь! Прощупай... Что деньги на ветер бросать? — Голос у отца был сердитым, но глаза из-под насупленных бровей глядели на сына примирительно, словно выспрашивали извинения за неуместную к прощальному часу досаду. Он положил чемоданчик на стул, хотел было закурить, но мать в кухню вошла, прижимая к груди обкутанную полотенцем мисочку, — сладко запахло жареным тестом. По запаху слышать было — пирожки любимые Мишанины с творогом.

— Вот на дорожку. В поезде есть захочешь...

Мишаня начал отнекиваться. Какие там пирожки механику-специалисту? Как-то несолидно все это...

Но мать пирожки в чемодан уложила. Может, для кого сын ее и дипломированная величина. А для нее он Мишанька, первенец. Ни в отца, ни в деда, в нее, в мать, и лицом и телом. Степка, меньший, тот, сразу видать, сенцовская порода. А Мишанька нет. Мишанька ее росточек и кровинушка.

Поначалу мать молча глядела, как сын собирается в дорогу, но под конец не стерпела:

— В такую далечень ты, сынок, собрался! И как там один будешь?!

— Это почему один? — спросил Мишаня. — Там тоже люди живут...

— Лю-ю-юди! — вздохнула мать. — Те люди для своих родня! А ты для их чужой, хоть и с дипломом...

Сын на это ничего не ответил, а мать раздосадовалась:

— Пальто! Пальто лучше надень! Что эта курточка? Рыбий мех!

— На юг пальто брать? — обиделся Мишаня. — Скажешь тоже...

— Мало ли что? — не сдавалась мать. — На юге тоже морозы могут быть... Потом спохватишься, скажешь, правая была...

— Не заме-е-ерзнет! — подал голос отец. Он встал, сверил ход своих часов с настенными ходиками (хотя они всю жизнь отставали от узаконенного времени), глянул на Мишаню: — Иди с дедом простись да пойдём...

Мишаня и сам знал, что с дедом проститься надо, — вышел из комнаты.

Прокопий Семеныч с месяц уже не вставал с постели. За полгода до этого прощального часа, перед отъездом на преддипломную практику, когда Мишаня заезжал в Курманаевку, старик был в бодрой силе. Все допытывался о будущей работе внука. И глаза его глядели с насмешливой ехидинкой. Болезнь подкралась к нему внезапно, словно перегрызла какой-то

жизненно важный нерв. Теперь лицо у старика было просветленное, чужое. Тонкие, с отросшими ногтями пальцы теребили край одеяла. И только когда свет разгулявшегося апрельского солнца из открытой Мишаней двери ворвался в сумеречный спертый воздух кухоньки, старик приподнял голову, колючие искорки на мгновение вспыхнули в его глазах. Он подтянулся на постели, с удивленным любопытством вглядываясь в лицо внука, словно никак не мог распознать, кто перед ним стоит.

Жалость, чувство безвинной вины сдавили Мишанино горло. Выдохнул, будто извинения просил:

— Уезжаю я, дед. Ты не болей...

— А я не болею, — сказал тихим голосом старик. — Я так...

Рука его соскользнула с одеяла, ощупью нашла Мишанину ладонь, стиснула ее крепко.

— Я не болею, Мишанька! Ты это... Ты слушай... Сходи в кузню, щипцы мои принеси... Знаешь те, каленые... Я ночью ходил, искал, нима... Найди, а?

— Зачем тебе щипцы? — спросил Мишаня, силясь вытащить свою ладонь из дедовой руки. — Зачем?..

— Как зачем? А если люди придут? Заказов полно! — зашептал заговорщицки Прокопий Семеныч. — Сходи, принеси, Мишанька! А горн я сам раздую! Сходи...

Глаза его словно остекленели, глядели не мигая на внука, сердце Мишанино сжалось, он почувствовал, как пробежал по спине ознобный холодок. Пятясь, не отрывая взгляда от дедовских глаз, вышел из кухни. И всю дорогу до станции не мог опомниться. Звенел в ушах молящий шепоток.

Какие щипцы, зачем ему щипцы, когда от кузни самой уже с добрый пяток лет не веяло жаром рабочей жизни и серую пыль с остывших углей выдул ветер... Какие щипцы, если весь инструмент отец отнес в совхозную кузню... Да и зачем тебе щипцы, Проко-

пий Семеныч? Прошел уже твой рабочий век. Давно пришло ему время пройти. Не будет твой молоток вызванивать по утрам свою звонкую песню, не будет до боли в сознании пахнуть паленым деревом от выжженных тобою отверстий в осях тележных колес. Не будут люди заказывать тебе скобы для своих новых домов. Не будут, не будут...

До станции, чтобы сократить путь, шли огородами. Мишаня шагал по мерзлой земле, тонкий апрельский ледок скрипел под ногами. На околице обернулся и, словно впервые за свои неполные восемнадцать лет, увидел тыльные обличья домов, глядевших неприбранными задворками в равнинное поле, дом свой увидел. Вот он, близко совсем, сарай, крытый шифером, флюгер на крыше, кузня, присохшая боком к сараю. Мать со Степкой вышли в огород, машут руками, прощаются. А в доме дед лежит, ждет, когда внук выполнит его просьбу... И жившая все это предотъездное время радость ожидания неведомой самостоятельной жизни усохла. Понял, что не уехать ему насовсем из родного дома. Сердцем понял. Глянул виновато на отца:

— Если с дедом что... Сообщите...

— Сообщим, ясное дело, — отозвался отец. — Чего ж не сообщить? Я тоже позавчера к нему зашел. А он меня и не узнал... Память теряет. Врачиха говорит, сосуды... — И замолчал, до самой станции не проронил ни слова. Только перед отходом поезда, смущаясь непривычной ласки, коротко обнял Мишаню, посадил на подножку вагона. — Держись там! Держись, сынок! Все мы за тобой тут...

5

Льва Ивановича, если с утра не поймать, весь день не увидишь. Перед обедом может в область уехать на совещание, после обеда устроит собрание товароведов.

А к вечеру и со свечкой не найдешь. Мало ли какие дела могут быть у председателя райпотребсоюза. Отчитываться перед каждым не будет, сам себе голова!

Но с утра застать его можно. Первым посетителем в приемной был Мишаня. Если не считать секретарши. Личико у нее было напудренное, лоснилось искусственным румянцем. Царственно восседала за своим столиком. Рядышком, на тумбочке, попыхивал самодовольным парком электрический самовар — чаек для председателя. Секретарша улыбнулась Мишане подведенными ретушью глазками, кивнула приветливо, словно медком мазнула по губам:

— У себя! У себя!

Мишаня подтянул потуже галстук — посолиднее выглядеть хотелось, — толкнул тяжелую, обитую кожей дверь.

Председатель был мужчина пожилой, в плечах широк и сидел за столом прочно. Сидел и пил чай. Круглое, лобастое лицо его было благодушным. В полных, словно вывернутых губах лоснилась чайная услада.

Мишаню увидел, поставил стакан на блюдечко.

— Слушаю вас...

Оборонно-заградительной нотки в голосе председателя Мишаня услышать не ожидал. Все казалось ему, знает Лев Иванович с самого первого дня, знает, что есть, здравствует и трудится под его властью Сенцов Михаил Петрович. А оно вот как получается... Пришлось отрекомендоваться по полной официальной форме.

— А-а-а! Так это ты и есть механик?! — Лицо Льва Ивановича прояснилось и будто родней стало. Нотка защитная пропала из голоса. — Садись! Располагайся!

Мишаня сел в услужливо прогнувшееся кресло. Сидеть в нем, правда, было не очень удобно, кресло стояло боком к председательскому столу. И Лев Иванович мог видеть Мишаню только в профиль. Слава бо-

гу, что подбитый глаз уже покрылся защитной желтизной.

— Чайку не желаешь? — спросил Лев Иванович. Но согласия Мишаниного выслушивать не стал. Толстые, с рыжими волосками пальцы нетерпеливо забарабанили по полировке стола, заказал чай по телефону.

Секретарша юркнула в кабинет, неся на подносике два стакана. Пей, механик!

Мишаня отхлебнул, обожгло губы терпкой горечью.

— Крепкий? — улыбнулся Лев Иванович. — По моему рецепту... Без чая не могу! Привык в Туркмении...

И тут же по-приятельски, запросто начал просвещать Мишаню о секретах заварки чая, о сортах не забыл упомянуть, перечислил с десятков чаеразвесочных фабрик по номерам и артикулам расфасовки. Хоть бери и записывай на всякий случай. Под конец добавил, что здесь, в Ачурах, о чае не имеют профессионального понятия.

— Я десять ящичков грузинского по точкам разбросал, не берут!.. Сам-то ты с каких мест будешь?

Мишаня ответил. Бывал, оказывается, в тех местах председатель, и неоднократно. Потом, словно опаматовшись, Лев Иванович допил чай, звякнул пустым стаканом о блюдечко, словно знак подал, что неофициальная часть беседы с молодым специалистом окончена. И он, председатель, в кресло командное посажен не чай гонять.

— Ну какие у тебя проблемы на текущий момент? — спросил озабоченно.

— Мне жилье нужно, — сказал Мишаня.

— Так! Вопрос существенный, — вздохнул Лев Иванович. Мгновение какое-то глядел на Мишаню невидяще-отрешенно. — Суще-е-ественный вопрос, — повторил задумчиво. — Предоставить вам жилплощадь

мы обязаны. Но на текущий момент с этим делом у нас, конечно, туговато... А к Юрию Аркадьичу ты обращался? Он у нас этим делом занимается. Самым непосредственным образом...

— Он в гостинице предложил... За счет райпотребсоюза...

— Ну так и поживи пока в гостинице! — оживился председатель. — А что? Поживи-и-и! Какая тебе разница? А этот вопрос мы утрясем. Официально тебя заверяю! — И сделал авторучкой пометочку в календаре. А тут еще и телефон зазвонил. Лев Иванович схватил трубку. — Как не принимают? — вскричал громогласно. — По закупочным ценам не принимают? Не крути, не крути, Семен Николаич! Я с тобой второй инфаркт заработаю... Все! Все! — бросил трубку и глянул устало на Мишаню. — Ну трудитесь, Сенцов!

Мишаня вышел из кабинета и в коридоре нос к носу столкнулся с Филецким.

Ночью мастер так и не ночевал дома. И всю ночь не спала Марина. Ворочаясь на звенящей пружинами кровати в комнатке-чулане, Мишаня клял себя за то, что поддался ее слезной просьбе остаться, не уходить до прихода мужа, и, вслушиваясь в ее бессонные шаги по дому, чувствовал себя почему-то виноватым за непонятную отлучку хозяина...

Мастер был свеж и беспечно-весел. Кивнул на обитую дверь кабинета, усмехнулся:

— Знакомился? Или как?

— Это мое дело, — с тихой твердостью в голосе ответил Мишаня.

— Эх голова горячая! Ну не злись! — виновато улыбнулся мастер. — А? За вчерашнее... Прости, если обидел... — Заискивающе-повинными глазами вглядывался в Мишанино лицо, потом, спохватившись, достал из кармана свою заветную записную книжицу: — А я вчера заказик сорва-а-ал! Класс! Работы на полчаса, а

навар есть... О тебе, между прочим, вспоминал. Инструмент тебе нужен?

— Нужен, конечно, — вздохнул Мишаня. — Чего спрашиваешь...

— А ну следуй за мной!

Тишь и покой жили в дружном согласии в кабинете Юрия Аркадьевича. На Филецкого глянул, будто и не заметил, а Мишане руку протянул, заулыбался:

— Как работается, Михаил Петрович?

— Нормально, — ответил Мишаня. И начал перечислять Юрию Аркадьевичу, с какими объектами успел познакомиться.

— Хорошо! Очень хорошо! — податливо кивал заместитель председателя. И глянул на Филецкого, словно только сейчас его увидел. — Ты, Александр, его в курс дела вводи... Парень молодой. Смена, так сказать...

— С технологией ремонта Саша меня познакомил, — ответил Мишаня и засовестился: — Я опять насчет инструмента...

Филецкий кашлянул в кулак, достал из кармана листок из ученической тетради, разгладил ладонью убористые ряды строчек (список составляли вместе, перед тем как войти в кабинет), положил на стол.

— Вот мы вкратце...

Юрий Аркадьевич взглянул на бумажку. В одно мгновение усвоил содержание.

— Та-а-ак! Очень хорошо!

— С фреоном туговато, — вздохнул мастер.

— Точно, — подтвердил Мишаня, — утечки много...

— Не возражаю, не возражаю! — кивал рассеянно Юрий Аркадьевич.

Кольнула в Мишанином сердце смутная догадка о

призрачности своей представительности в этих стенах. Глаза глядели на мастера по-дружески, и голос был не по чину просящий...

6

Из областной базы возвращались уже под вечер. Вакатное солнце бежало, то прячась, то появляясь из-за холмов, вперегонки с автобусом, но обогнать его силы уже не имело — порастратило за день. Тени деревьев у обочины рассекали дорогу. Автобус, подбираясь с одышкой на взгорок, под уклон бросался с облегченной радостью, чуял уставший двигатель скорый конец пути, близкие уже виднелись крыши ачурских домов. Блеснул аквариумными стеклами красавец ресторан, нехотя выползло из-за его спины приземистое зданье райпотребсоюза, укатанной брусчаткой бросилась под горячие колеса центральная улица, мелькнули улочки, переулки, черепичные крыши, затаившиеся в зелени акаций.

Вот ведь как выходит! Вот как получается! И месяца еще не прожил Мишаня на новом месте, а уже родными казались окна домов...

Филецкий глядел в открытое окно. О чем думал, неведомо. Но когда автобус, заморенный долгой дорогой, подкатил к автостанции, мастер тряхнул головой, словно разом сбросил с себя тяжесть дорожного молчания, вздохнул:

— Так! Посторожи ящик. Я за мотоциклом.

— Ладно! — кивнул Мишаня, спрыгнул на землю, сощурился.

Ясным и звонким светом наполнен был вечерний воздух. Солнце цеплялось за верхушку холма, за самый обрывной краешек, глядело на город прищуренным алым зрачком. И все лился, бежал его прощальный свет на черепичные крыши, на деревья. И неведомо почему захотелось Мишане подпрыгнуть, пробе-

жаться по брусчатке площади или взобраться во-о-он на тот тополь, взгрустнувший на отшибе дороги. Но ревность несолидную Мишаня в себе приглушил. Причесал обломком расчески белесые волосы, отряхнул пиджачок от автобусной пыли, присел на ящик с запчастями, закурил. Только побаловаться дымком не успел. Увидел Юлию.

Она стояла у ограды рынка неподалеку от автостанции. Была она в белой кофточке с вырезом, голубой юбке чуть ниже коленей. Волнистые русые волосы веером разметались по плечам. Стояла и глядела на людей, а видеть никого не видела. Потом не спеша направилась к автобусу, что стоял уже с урчащим мотором, и пассажиры, мечтающие ехать непременно сидя, скопом толпились у закрытых дверей.

Мишаня растерялся. Вспыхнула в сознании звездная прокладка сумерек, лицо Юлино, ласковое, доверчивое. «Уедет?!» И быстро пошел к ней навстречу.

О ящике с инструментом и запчастями забыл напрочь.

Юлия увидела его издали, улыбнулась, подошла и протянула ладошку крепенькой дощечкой.

— Как твой синяк? Ну-у-у! Совсем не видно...

А Мишаня все руку Юлину не отпускал. Она почувствовала его смущение, оглянулась по сторонам, словно встретить кого-то хотела среди людей, стоящих у автобуса, и снова взглянула на Мишаню дружелюбно, открыто, как глядят на старых знакомых, с которыми долго не виделись. И сказать многое хочется, и слова не идут...

— Ты что, тоже уезжаешь?

— Нет, приехал, — поспешно ответил Мишаня. И умолк. Не хотелось говорить, куда ездил, а точнее, с кем.

— А я прогуляться решила, — нарушила молчание Юлия, — к Родькину вашему...

— Кто это Родькин?

— Юрия Аркадьича не знаешь? Ну дае-е-ешь! Ты ж ведь в его подчинении!

— С головы вылетело.

И узнал, что Юлия ходила к Родькину за делом. Юрий Аркадьевич обещал устроить Юлию диетологом. И квартиру обещал...

— Все-таки Ачурь не Лебедевка! Там и строительства никакого нет! Третий год комнату снимаю! — В голосе Юлии слышалась давняя, наболевшая обида. Она умолкла, глянула озабоченно на Мишаню. — А тебе-то что обещают?

— Сказали, в перспективе, — ответил Мишаня, вспоминая утреннее чаепитие со Львом Ивановичем.

— Вот и будешь эту перспективу пять лет ждать!

«Сейчас спросит, где я живу!» — мелькнула догадка в Мишанином сознании и, стараясь опередить Юлин вопрос, потупил голову, сказал быстро:

— Вы меня извините за тот вечер...

— За что это тебя извинять? — удивилась Юлия.

— Я вообще не помню. Филецкий рассказывал...

— А ты его слушай! Он наговорит! — И побежала к автобусу. Оглянувшись, крикнула: — Будешь в Лебедевке, заходи в гости!..

Филецкий подъехал к автостанции минутой позже. Притормозил, глянул властно.

— Поехали, Михаил Петрович!

Мишаня уместил коробку с запчастями в коляску, уселся на заднее сиденье. А сам все о Юлии думал, все лицо ее стояло перед глазами. Мастеру он ничего не сказал, затаил в душе уворованную радость в самом укромном уголочке. Но Филецкий все же что-то почувствовал. Когда подъехали к дому, спросил:

— Чего как пришибленный? Устал, что ли? Сейчас-а-с отдохнем! — Хозяином вошел в дом. И сразу шумно стало в комнатах с его приходом.

Марина в строгом синем платье стояла у трюмо, втирая тонкими пальцами крем.

— И куда это мы? — любопытствовал мастер.

— Ты ведь не рассказываешь, где по ночам бываешь?..

— Ну, ну... — вздохнул Филецкий и подмигнул Мишане: «Тс-с! Молчок!» — А насчет поесть как?

— На кухне гляди! — отозвалась Марина. И ушла, как и не было ее.

Леночка пичужкой-заговорщицей выпорхнула из своей комнаты, подластилась к отцу.

— Она к тете Маланье пошла! — выболтала тайну.

— Знаю, дочка! Знаю! — вздохнул Филецкий. — Ела уже?

Леночка кивнула. Выпроводив ее из кухни, мастер начал заглядывать в кастрюли, что там жена ушедшая наварила-наготовила.

— Ба-абы! А еще высшее образование... К Маланье пошла. Модно сейчас стало к гадалкам ходить... Я б эту Маланью, была б моя воля, за тунеядство в двадцать четыре часа из города выселил! Работать не работает, а гребет будь здоров!

Он пододвинул Мишане тарелку с картошкой. И мясом не обделил.

— Ешь, Михаил Петрович! Не робей. Привыкай... Я в ваших краях не был. А дружок у меня на авторефрижераторе пашет. Тот е-е-ездил! Пресно, рассказывал, у вас живут... Щи да капуста!

— Это почему пресно? — отодвинул ложку Мишаня. — У нас яблоки с кулак! И не только щи...

— Ну не заводись! Не на-адо! — ослаб голосом мастер. — Я ведь как? За что купил, за то и продаю. Ешь! — И, отпробовав из своей тарелки, прижмурил глаза. — Красота-а-а! Чего-чего, а готовит моя жена дай бог каждой! Им сейчас, бабам, власти много дали. А толку хрен с бубликом! Их дело какое? Семья и порядок в доме. Это она сейчас готовить научилась. С те-

щей жили, не умела. У меня теща в Червоном Яре живет. Та-а еще теща! Стекловаты в постель не жалко подсыпать. Марина меня все уговаривала: «Давай, мол, ее к себе заберем!» А я ни в какую. Я свою мать к себе не тяну. Помочь? Помогу! Разобьюсь...

— Платок подарить — это не помощь! — вырвалось нечаянно у Мишани. И в то же мгновение понял, что задел Филецкого за живое и задел крепко. Вскочил из-за стола, впился в Мишаню горячей чернотой глаз.

— И не только платок! Не только, понял?! Я ей плиту газовую достал! Импортная вещь! У кого в селе такая плита? У кого?

— Не то ты говоришь, — не поднимая головы, выдохнул Мишаня и почувствовал знакомое нервное напряжение, вспыхнувшее в сердце крохотным, но стойким огоньком. — Не то! Пусть, ты говоришь, у нас пресно! Пусть! Но у нас все вместе живут! — Поднял голову, глянул в глаза мастера, ожидая отпора, защиты хотя бы. Но жгучий свет в глазах Филецкого потух. Он уселся за стол, улыбнулся виновато.

— Что это мы с тобой, как петухи?! Эх-хе-хе! Молодой ты, Миша! Это сейчас ты так говоришь, пока холостой-неженатый! А женишься, поймешь! Жить надо от родителей отдельно. Азбука жизни! Я ее, эту азбуку, осво-оил! — И оглядел хозяйским взглядом кухонный уют. К месту сказать, отменный — кастрюльки, тарелочки в ухоженной чистоте, газовая плита новехонькая, стены выложены голубым кафелем с цветочками.

— Все сам, своим горбом! Дом, конечно, надо еще обделывать, но это время! А занимать не занимал! У матушки моей и денег не было. А у тещи е-е-есть. Предлагала, когда строился. А я ни в какую. И не жалею. Случись, не дай бог, пожар. Пусть дотла все сгорит... Мое будет гореть. Мое-е-е! Никому я не должен. Родичи, они что? Они даду-ут! Помогут! А чуть что,

кольнут шилом. Мы, мол, ему дали! Азбука жизни...
Ешь, ладно!

Сам мастер на аппетит не жаловался. Горбушку хлеба, натертую чесноком, откусывал крепкими зубами. Вытер масляно блестящие усики, спохватился. И вытащил из кармана пачку чистых накладных бланков.

— Чуть не забыл! Подмахни парочку на всякий случай... Может, какой дефицитик случится... — А когда Мишаня расписался, польстил: — Подпись у тебя как на деньгах!

Бланки спрятал в карман. Откинувшись на стуле, облегченно вздохнул.

— Поездочка наша, в общем, ничего-о! А? Я вот, пока ты в галантерейный заходил, в книжный заглянул... Там у меня блат маленький е-е-есть! — Повел Мишаню в свою «избу-читальню», достал с полки новенькую, с золотым тиснением книжицу.

— О! Вещь... Подержи, подержи!

Мишаня полистал воцеленные, пахнувшие типографской краской страницы. Радость мастера была ему безразлична. В книгах, по правде сказать, искушенности особой он не имел. Читал то, что необходимо было читать по программе. За чтением этим стояла отметка, а значит, и стипендия. Без стипендии отпускные приезды домой, в Курманаевку, были бы безрадостными. Но книгу дефицитную разглядел внимательно, на обратную сторону заглянул, где цена стояла.

— Там смотреть нечего! Я за нее два червонца отстегнул! — благодушно улыбнулся мастер и погладил любовно ладонью темно-зеленый переплет. — Философия, Михаил Петрович! Раньше лежала, бери — не хочу! А сейчас тоже подорожала! У меня не только философские, у меня и исторические есть. «История государства Российского»? Пожалуйста! «Наполеон»? Пожалуйста! Даже два у меня «Наполеона»!

Мишаня всмотрелся. Точно, две книги были у Фи-

лецкого о Наполеоне. Прошелся вдоль книжных полок, чувствуя пятками скользкую гладь паркета, читал неведомые наименования. А мастер уселся в кресло, закурил, в лице его покоилось мечтательное благодушие.

— Есть, есть экземплярики, Михаил Петрович! Я не для мебели, как другие, собираю. Я читать люблю-ю-ю. По ночам свету пожег! Классику предпочитаю, старую классику... Современных мне даром не надо. Брешут! Я их сразу раскусил. Читать начнешь, вроде похоже на правду. А под конец повидлом замажет! Злой ангелом сделался! А вора коллектив перевоспитал! Сме-ех! И кому только лапшу на уши вешают?! Александру Трофимычу? Не выйдет! Кишка у вас тонкая, товарищи писатели! Человек, Миша, каким родился, таким и умрет. Азбука жизни...

Филецкий задумался. Смял сигарету, и черные глаза его глянули на Мишаню с усталой, затравленной какой-то грустью.

— А почему брешут, знаешь? Сладко жить хотят. Икорочку с хлебцем кушать хотят... А икорочка, по нынешним ценам, тоже не дешевая! Вот и весь фокус. Эх-хе-хе-е! Классики другое дело! У них истина... Сейчас, сейчас я тебе найду...

Тонкие пальцы скользнули по разноцветным корешкам книг, вытащили нужную. Начал листать страницы...

— Сейчас, сейчас... Слушай. «Мокрые галки и вороны...» Вот, вот... «Скучно на этом свете, господа!» А? Как сказано? И когда сказано? Сто пятьдесят лет назад! А правда! Сейчас кто так напишет? Э-э-э! Я их, современных, по последней странице проверяю. Скуки нет! Сплошной оптимизм... А ведь скучно, Миша! Скучно в жизни. Правду классик писал. А почему скучно? Потому что из всего дефицит сделали. Нужную вещь попробуй купи! А? Купи! — В глазах его вспыхнул горячий, едкий огонек. Он заходил по комнате

нервным пружинистым шагом, остановился, шлепнул ладонью полированный бок шкафа. — Во! Взять хотя бы мебель! Сколько этот гарнитур стоит, это ладно! А сколько я переплатил, чтобы его достать? Заску-чаешь!

Голос Филецкого подсел от жаркой хрипотцы, глаза блестели. Он мерил шагами комнату и все никак не мог успокоиться, словно жгла его какая-то зудящая, неведомая Мишане обида на весь мир. И, глядя в его разгоряченное лицо, Мишаня томился в неловком смущении, словно мастер говорил с ним на незнакомом языке. Мишаня старался понять этот язык, но понять не мог. Потому что то, о чем говорил и чем мучился мастер, никогда не говорили и не мучились ни Мишаня, ни отец с матерью, ни дед Прокопий Семеныч. Спокойные и понятные их голоса, звон кузнечных молотков в чистой и ясной для Мишани жизни держали душу его на крепкой защите.

Филецкий положил на место книгу, уселся в кресло.

— Ладно, Михаил Петрович! Все это разговоры. Дело надо делать... Ты отдыхай, если хочешь. А я поеду!

— А с чего ты взял, что я устал?.. Я не устал.

7

Хорошая штука — мотоцикл! За день весь район обколесить можно и до областного центра добраться. Но в область ехать нужды не было. На окраине города Филецкий свернул на обочину, густо обросшую дикой сиренью, и, спугнув сумеречную тишь, помчал по плотной пыли грунтовой дороги. Тускло блеснуло мутным стеклом озерцо, пахнуло свежестью, вольным простором.

Мишаня, сощурясь, глядел на дорогу, увидел, как выглянули застенчиво из-за сиреневой глуши зарос-

лей белые стены и побежал навстречу дом не дом, теремок, с балкончиком-лодочкой, под цинковой кепкой крыши. Две колонны кокетливо подпирали ажурный навесик над крыльцом. Задняя стена понадежней имела опору, прислонилась к холмистому склону. Словно и не люди этот дом поставили, земля вытолкнула из дремучей своей глубины, но до городских собратьев не донесла, оставила красоваться на вольном приволье для своей утехы. Окна домика мерцали чистой прохладой. И весь он издалека казался праздничным и таинственно-манящим: заходи, мил человек! Гостем будь в моих стенах!

Но вблизи, когда подъехали ко двору, увидел Мишаня, что домик-теремок был еще не обжитым. На свежей, неутоптанной земле лежала груда кирпичей, разворошенный глиняный холмик, привозной песок и свежеструганные, щекотно пахнущие скипидаром доски. Казалось, что здесь, во дворе, только что, может, минуту назад творилась работа. Казалось, невидимые строители, испуганные мотоциклетным шумом, притаились в зарослях сирени, глядят-поглядывают на приезжих.

Филецкий заглушил мотоцикл, оглядел дом с радостной завистью:

— Красаве-е-ец! Все удобства! — И шагал во двор, ловко перепрыгивая строительный мусор. У квадратной ямы придержал за рукав пиджака Мишаню. — Не свались! Здесь бассейн будет...

— Купаться, что ли?

— Ну а для чего же? — усмехнулся мастер. — Красиво жить не запретишь!

Но на вопрос Мишанин, чей это дом, не его ли, мастера, ответил, что нет, не его:

— На такие апартаменты копейка нужна!

Вытащил из кармана связку ключей, открыл дверь. Врезной замок приветливо щелкнул; словно ждал и дождался послужить вечерним гостям.

Запах масляной краски, олифы, опрятный дух новизны жил в комнатах. Филецкий включил фонарь, принес со второго этажа две керосиновые лампы, и в доме стало светло и по-домашнему уютно. Две тени: Мишанина — поменьше, Филецкого — подлиннее — вздыбились на стене. Пол под ногами жалобно поскрипывал, не привык еще терпеть тяжесть человека. Филецкий принес из коляски инструменты, начал разматывать проволоку, объяснил Мишане, что их задание провести проводку не во всех комнатах, конечно, а сколько можно успеть за вечер. Лицо у него было поделовому озабоченным. Начал насвистывать знакомый мотивчик.

Мишаня вспомнил старушку — обладательницу холодильника из Лебедевки. Сейчас бы, наверное, сделала замечание, чтобы не свистел, раз икона в углу висит. Но в этом доме иконы не было. Стены были нештукатуренные, обитые крест-накрест дранкой. Так что хочешь — свисти, хочешь — пой. Не возбраняется. Принялся помогать. Хотя, по правде сказать, проводкой света он раньше не занимался, но разобрался, дело немудреное. Да и Филецкий на подсказку не скупился. Прищурившись, на глаз делал разметку, с маху, одним ударом вбивая изоляторы. Трогал натянутую струной проволоку, будто выставлял на контрольное обозрение неведомому хозяину.

— Главное дело — качество! — ораторствовал Филецкий. — Главное, на совесть!

Мишаня промолчал. И вдруг настороженно спросил мастера:

— Слышишь?

Совсем рядом у дома проурчала машина. Яркий свет фар резанул по окну. Филецкий засуетился, оглядывая недоконченную работу. А на пороге уже слышались шаги. Дверь отворилась, и Мишаня увидел Юрия Аркадьевича.

Он был в легком плащике, руки в карманах. Лицо

сосредоточенно-озабоченное. Увидев Мишаню, улыбнулся по-свойски, будто знал, что увидит его здесь, а на словах удивился:

— Вот так встреча! Рад, очень рад! — Но уже в следующее мгновение, окинув придирчивым взглядом стены, оценивая прочность натянутого провода, спросил у Филецкого: — Ну как, Александр? Не оборвется?

— Сто лет гарантии, — довольно ухмыльнулся мастер.

— Сто лет — это многовато! — вздохнул Юрий Аркадьевич. — Тут не знаешь, как до завтра дожить...

Там, в кабинете райпотребсоюза, оставил Юрий Аркадьевич свою официальность. Здесь же был просто усталый человек, уже достаточно пожилой, с мятым лицом и воспаленными глазами.

— Тут на три дня работы, Юрий Аркадьич! А проволоки, думаю, хватит...

— Да, да... — вяло согласился тот. — Хорошо, очень хорошо. — Но сказал это машинально, для поддержки разговора. Мишане показалось, что ни проводка, ни сроки работы его не интересуют. Казалось, думает он о чем-то более важном... — Там портфель у меня в багажнике...

Мастер метнулся во двор и вернулся с портфелем. Юрий Аркадьевич порылся в нем, вытащил бутылку коньяка, примостил на столик.

— Угощайтесь, ребята!

— Я нет. Я не буду! — сказал Мишаня.

— Кончай, ты! — перебил мастер. Глаза его блеснули масляным блеском. Засуетился с закуской. Оказывается, были кой-какие съестные запасы в этом недостроенном доме. И хлеб на столе появился, и вялый пучок редиски, и колбаса.

Филецкий разлил коньяк по стаканам, глянул заискивающе в лицо Родькина.

— Нет! Нет! — отрицательно покачал головой

Юрий Аркадьевич и виновато улыбнулся Мишане. — Вы на меня внимания не обращайтесь! Желудок на пломбе...

— Что ж, выходит, я сам пить должен? — попробовал обидеться Филецкий.

— А что, не справишься?

Нет, не просто знакомыми они были. Покрепче их ниточка связывала. Этот вывод для себя Мишаня тут же сделал. Насторожился. И эту его настороженность Юрий Аркадьевич почувствовал, поднял голову.

— Вот такие дела, Михаил Петрович! Значит, обживаетесь на новом месте?

— Обживаюсь, — сдержанно ответил Мишаня.

— Это хорошо... Вы, пожалуйста, не смущайтесь, будьте как дома... Кстати, мама с папой у вас как? Живы-здоровы?

— Здоровы... — Вспомнил, что обещанного письма отцу о новом своем житье так и не успел написать. Смутился.

Родькин смущения этого не уловил, поинтересовался, чем занимаются родители Мишани, и, узнав, что в роду Сенцовых все кузнецы, заметил с уважительным удовлетворением:

— Колхозный пролетариат, значит?.. Ничего! Обживаетесь... — Он поглядел на часы. — А времечко бежи-и-ит! Пора травку пить! Здоровье, Михаил Петрович, вечный дефицит! Завидую вашей молодости, как говорится, светлой завистью! В молодости все хочется сразу! — кивнул на новые стены. — Сколько здесь трудов! Сколько здоровья! А ведь на это жизнь уходит. Вся жи-и-изнь! — И встал поспешно из-за стола, протянул Мишане сухую ладошку. — Ничего! Все у вас будет...

— Мы тут посидим чуток. А, Аркадьич? — попросил Филецкий, косясь на недопитую бутылку.

— Нет, нет! Это уже ни к чему! — забеспокоился

Родькин. Ключи от дачи у мастера он забрал. И уже во дворе спросил у Мишани: — Может, вас подвезти?

— Да мы дое-е-едем! — отозвался Филецкий. — У нас свой конь есть!

— Как знаете, как знаете! — не стал настаивать Юрий Аркадьевич...

Небо над головой было низким, усыпанное от края до края меловой россыпью.

Руку протяни — звезда упадет в ладонь.

Филецкий на звезды не глядел. Он все-таки умудрился допить бутылку и, как только во двор вышел, захмелел. Голос его в темноте казался Мишане громким, как из колодца.

— Аркадьич голова-а-а! На таких людях все и стоит! Понял, нет? Ты вот ему помог, он тебя на заметочку! Простота-а-а! К председателю поперся! Чего ты к нему поперся? Ласки захотелось? Да ему наплевать на тебя. Ты для него кто? Штатная единица! Понял, нет? А за Аркадьича держи-ись!

— Ты сам держись! — забеспокоился Мишаня. — Сейчас в яму свалишься!

Где-то рядом совсем была эта яма, бассейн будущий.

— Думаешь, пьяный? — усмехнулся Филецкий. — Не бой-и-ись! Я пьяный никогда не бываю... Выпимши, да! — Он обнял Мишаню за плечи, заглянул в глаза. — Ну! Не злись ты-ы-ы-ы! Не зли-и-и-ись! Люблю я тебя! Простоту твою люблю-ю-ю! Эх, Миша, Миша! Учиться тебе надо у жизни. Учиться! Техникума тут мало... Я вот диплома не имею. Мне трудней, чем тебе, было начинать. Меня Аркадьич сюда пристроил... Понял, нет? Кто я был? Паца-а-ан! А уже по району мотался. И все сам! Это сейчас все цивилизовались. Компот холодный понравилось пить. А раньше, милый мой, холодильников было — раз, два и не-

ту! Какой там холодильник! Машина по улице проедет, бежишь за ней и себя не помнишь... А моторы — это я уважа-а-а-аю! Меня за это чуть из школы не исключили. Там как было? Мотор от полуторки валялся на металлоломе... Какой мотор? Скелет... А мы с дружкой... У меня корешок был Коля Брынзарей, жох парень... Мотор этот домой притащили, электростанцию хотели сделать... Пацаны-ы-ы-ы! Что с нас возьмешь? А нас попутали... На линейку перед школой! Позор расхитителям! Понял, нет? Это мы расхитители? Старую рухлядь, никому не нужную, с металлолома забрали. Выговор мне... А матушка к директору, боялась, что совсем исключат, проси-и-ила! А кто попросит? Отец с фронта не вернулся. Голодовку с сестренкой пережили. В бедности мы жили, Миша! В лютой бедности... Как сейчас помню... Мать стаканом кукурузной муки разжилась, мамалыги сварила...

Филецкий остановился, сжал голову ладонями, вдруг глянул в лицо Мишанино совершенно трезвым, пронзительно острым взглядом, словно резанул по лицу.

— Никогда я это не забуду! Никогда! Я этот стакан кукурузной муки по-о-омню! Просить мать не умела. Можно было, конечно, бумаги собрать, нам бы за отца дали... Неграмотная... Я потом, потом уже понял, только на себя в этой жизни можно надеяться! Только на свои плечи... А матушка как хотела, чтобы я образование имел. Хотела меня на ноги поставить... А когда нас на линейке отчитали, меня си-и-ильно заело... Бросил школу! И не жалею! Эх, Миша, Миша! Ниче-е-е! Не согнулся! Видал мои книги? Я сам себя выучил. Са-а-ам!

Филецкий уселся на мотоцикл, включил зажигание. Красный огонек индикаторной лампочки испуганно замигал.

— Давай я поведу! Мы в техникуме вождение про-

ходили! — забеспокоился Мишаня. — Ты же пьяный, Саша!..

— Да не бои-и-ись! — вскинул голову мастер. — Садись в коляску!

И рванул мотоцикл по ночному проселку. На сиденье держался уверенно. Только в переулке у самого дома пригасил скорость, закатил мотоцикл под орешник. Глянул на недремлющее в глубине двора окно, приложил палец к губам.

— Тс-с! Ревизор не спит! — И крадучись пошел к веранде.

В доме в самом деле не спали. В ярком свете прихожей успел увидеть Мишаня воинственно мелькнувшую ночную рубашку хозяйки, шмыгнул в свою комнатушку, прислушался.

Тишина за дверью показалась долгой. Потом слышался голос Марины, негромкий, просящий:

— Сколько это будет продолжаться? Скажи, сколько? Вчера не ночевал! Сегодня пьяный! Когда ты меня мучить перестанешь?..

— Тише, тише, мамочка! — непривычно-ласковый, желающий примирения слышался голос мастера.

— Да разве я кричу? Ты мне ответь, до каких пор это будет продолжаться? Когда ты человеком станешь?..

— Ну, ладно-ладно... Ну... Дочечку разбудишь...

— О дочке вспомнил! Бессовестный! А ты ей хоть внимание уделяешь, дочке своей?! Ты, как отец, ей хоть книжку прочитал? Для кого ты их собираешь, эти книги? Ты ведь знаешь, я Леночке в школе не могу много внимания уделить. Это могут истолковать неверно... Но ты отец... Господи, господи! То у него заказы, то халтура! Надоело! Честное слово, надоело, Саша! Уеду к матери! И живи как хочешь! Пей! Заводи любовниц! А меня оставь в покое...

— Каких еще любовниц? — Голос у Филецкого

окреп. — Это тебе что, Маланья нагадала? Ты это кончай! Да, я езжу! Да, мотаюсь! А для кого? Для кого, спрашивается, я это все достал? Для Пушкина Александра Сергеевича? Нет! Ты это бро-ось!

— Саша! Ты мое отношение к вещам знаешь! Я этой болезнью не заражена! Я покоя хочу, пойми ты... Господи! И что я тебя встретила? Я волнуюсь, Саша! Ты ведь за рулем! Ночь-полночь... Ведь я живой человек, Саша...

Голос Маринин утих. Но в «избе-читальне» долго еще горел свет и слышались нервные шаги. Потом свет погас, и тишина, безголосая, слепая, улеглась в доме.

Мишаня лег не раздеваясь. На душе у него было тяжело, по-сиротски тоскливо. Голос Маринин еще не утих в его сознании, и он чувствовал и свою вину в этой ссоре, и снова упрекнул себя за то, что остался и не ушел в гостиницу. Закрыв глаза и увидел улыбающегося Юрия Аркадьевича. Он тер друг о дружку мягкие ладошки, сухие, бескровные губы его шевелились. Мишаня вслушался. Он догадался, что Юрий Аркадьевич говорит ему что-то очень важное. Но что? Что? Разобрать не мог. Потом лицо Юрия Аркадьевича исчезло, и ясно вспыхнули на склонах холмов огоньки, манящие, теплые, словно живые.

Сердце у Мишани заныло. Он проснулся.

В комнате было светло от лунного света. Мишаня встал с постели, поднял с пола ботинки и, не обуваясь, открыл окно, прыгнул на землю. Замер, прислушиваясь... И уже за воротами вздохнул посвободнее. Присел на прохладное сиденье мотоцикла, обулся, снял педаль с тормоза и, озираясь, не включая двигателя, покатыл мотоцикл по переулку вниз, к главной улице. Разогнавшись, выжал сцепление — громкоголосый рокот поначалу оглушил его. Рванул по ночью.

му безлюдью, по вылизанной до глянцевого блеска бессонным фонарным светом дороге. Нервная, крепкая сила жила в его худеньком теле. Луна глядела ему вслед, покатые спины холмов, встревоженные скоростью, пробудились, плавно бежали рядом, и тени деревьев, как черные трещины рассекавшие асфальт, бросались под колеса. Весь ночной растревоженный мир ожил, зашумел простудным ветерком в ушах, неся вместе с ним, не обгоняя, но и не отставая.

Уже далеко, за окраиной, догадался включить фару, и невидимая сила бегущей темноты за спиной отпустила, растаяла.

Дорога выпрямилась, неслась навстречу. Вот и указатель мелькнул на развилке, блеснули потревоженные светом окраинные домики Лебедевки, церквушка с серебристой в лунном свете луковкой купола.

Свет фары полоснул по ветхому плетню, ярко вспыхнул испуганный светом куст сирени.

Мишаня заглушил двигатель.

Луна спряталась за тучами, и настороженная темень нависла над поселком. Подкрался к калитке. Стук щеколды охолодил сердце. Спящий до этой минуты защитный голосок ожил в сознании. «Может, вернуться?» — «Нет!» — заглушил его другой, нервный, уверенный. И будто в спину подтолкнул. Мишаня вошел во двор. И в тот же миг почудилось — из густого травостоя у плетня следят за ним чьи-то стерегущие, настороженные глаза. Опрометью бросился к крыльцу и постучал в окно.

Дом спал. Мишаня постучал еще раз, сильнее. Свет в окне вспыхнул. Мишаня прижался к стене — сердце забило сильно и часто.

— Кто там? — послышался недовольный знакомый голос.

Мишаня шагнул в свет окна и увидел Юлино лицо. Волосы распущены, глаза слепо вглядываются в оконную темень...

Потом за дверью послышались шаги, запах сушеной мяты, живое тепло обжитых стен дохнуло в ночной сумрак. В голубом халатике, накинутом на плечи, Юлия вышла на порог. Замерла, переминаясь босыми ногами.

— Ты, что ли? — Голос у нее был сонный, будто обиженный.

— Я... — не сказал, выдохнул Мишаня.

— А что ж так поздно? Случилось что?

Мишаня молчал. Да и что он мог ответить. Сам себе еще не мог объяснить все безрассудство этой поездки.

— Ну проходи! Что на пороге стоять?..

Юлия отступила в глубь коридорчика. Мишаня прошел в комнату. И здесь, в укромном тепле знакомого уюта, нервная уверенность, властвовавшая в его сознании всю недолгую дорогу, ослабла.

А Юлия присела на краешек постели, зевнула в кулачок.

— Я думала, соседка... У них, как что, ко мне! Хоть аптеку на дому открывай... — На мгновение умолкла, но, спохватившись, насторожилась: — А ты случайно не выпил?

— Нет, я не пьян... — Мишаня смутился, потупил голову. Он вдруг понял, что не нужно, совсем не нужно было ему сюда приезжать. Шагнул к двери, остановился, как перед пропастью, выдохнул: — Я думал о тебе...

— Вот оно что! — Юлия встала с постели. Выдохнула озабоченно, словно извинения просила. — А может, ты поешь что-нибудь?

— Нет! — услышал Мишаня осевший свой голос. Поднял голову и увидел Юлино лицо. Глаза ее глядели доверчиво, щеки, чуть тронутые загаром, пушок над верхней губой мятым дышали теплом. Обнял неумело, ткнулся как слепой в волосы. Услышал заглушающий сердцебиение голос:

— Пусти! Слышишь? Ну! Ой, господи, какие же вы, мужики, одинаковые! — Юлия отстранилась, поправила сбившиеся волосы. Щеки горели. А глаза глядели с удивлением и досадой.

— А с виду ты ти-и-ихенький! Время-то хоть сколько, знаешь? — Она поглядела на будильник. — Третий час... Ну? Что с тобой делать?

— Я пойду...

— Ну, ну! Пойдет он! — В голосе ее уже слышалась крепкая какая-то материнская озабоченность. Вытащила из шкафа покрывало, взбила подушку. Сложила домотканую дорожку, расстелила на полу.

— Ложись! Рубашку-то хотьними! Давай сюда... А рубашка! Ну-у!

— Хорошая рубашка! — покорно вздохнул Мишаня, умащиваясь на своем ложе.

— Хорошая-то хорошая! Только стирать ее пора... Спи, кавалер!

Она погасила в комнате свет и вышла. Мишаня вытянул ноги, укрылся покрывалом. И на душе у него сделалось легко и безмятежно. Комнатка Юлина с будильником, мирно тикающим на тумбочке у кровати, коврик с озерцом лебединым на стене, укромный уют показался родным, домашним. Будто знал его сердцем Мишаня с самого детства. А не с того памятного вечера, когда Филецкий привел его сюда. И тут же лицо мастера, его насмешливый голос вспомнил мгновенно. Покойная радость в душе пригасла. Телом напрягся, оцепенел, прислушался — за стеной чудились голоса. Луна глядела в окно, тянулась простынной дорожкой к ногам. Дохнуло из коридора мятным сумраком, и в комнату вошла Юлия.

— Ух! Насилу отстирала!

Мелькнул в лунном свете голубой халатик, скрипнула кровать. Улеглась, утихла, только дыхание слышалось, жаркое и частое. Сердце у Мишани крепко забилось. Он заворочался, приподнял голову, силясь раз-

глядеть Юлино лицо, но стол посреди комнаты заслонял кровать. Мишаня закрыл глаза, услышал:

— Не майся... Подушку неси...

...Где уж была та луна? Откатилась в небесную глыбь. Топтался у окна рассветный час. В комнатке стало совсем светло, но тени из закутков еще не пропали, имели свою ночную власть.

Юлия сидела на постели, поджав ноги к подбородку. Волосы разметались по плечам, лица не видать. Да и сама не глядела на Мишаню. Голос ее, беспмятно-доверчивый всего минуту назад, был буднично-усталым.

— Ну вот... И тебя пожалела... Дура я, дура! — Она откинула волосы, наклонилась к Мишане. — Как пришел с синяком, помнишь? Важным хотел казаться! А я ведь увидела, дите ты еще, Мишенька! Дите-е-е!

— Ты тогда другая была, — сознался Мишаня. — Веселая...

— Другая? Не-е-ет! — Юлия взяла подушку, положила под спину и голосом окрепла. — Та же самая я! Веселая я так... Для виду. А какая на самом деле, сама одна знаю! Эгоисты вы, мужики... Что, нет, скажешь? Знаю, знаю, сейчас ты меня уже ненавидишь...

— Неправду ты говоришь! — сказал, словно оправдываясь, Мишаня. — Неправду! — повторил тихо, словно себя самого в неправоте Юлиной досады хотел убедить. Почувствовал ее настороженное молчание, протянул руку. — Ты красивая...

— А что толку, что красивая? Что толку, Мишенька? У меня подружка была, глядеть не на что... А такого парня себе нашла! И муж хороший, и детей любит! И живут сейчас душа в душу!

Она придвинулась к Мишане поближе, взглянула в глаза.

— А хочешь, скажу? Хочешь, все скажу? Тебе одному, хочешь? Был у меня один человек. Мы с ним

вместе учились. Только он зубопротезное отделение закончил... Любила я его, Мишенька! Как любила! А он ненормальный был какой-то! Чуть что не по нем... Платье надено не такое, как ему нравится, с кулаками на меня! А я его еще больше люблю! Отчего так? Что я в нем нашла? — Голос ее дрогнул, осекся до шепота. — И ребеночек у нас мог быть... Слышишь? Ребеночек! Махонький человечек... Я его уже чувствовала... Не захотел! «Ты, — говорит, — сделай что нужно...» А я послушалась... Эх, мужики вы, мужики... Прости, конечно, что такое говорю... Ты не такой... У тебя все иначе будет... Будет, будет...

Она погладила Мишанины волосы. Ласковая боль ее глаз легко добралась до Мишаниной души. Он сжал Юлину ладошку, крепко сжал.

— Я понимаю тебя! У нас в Курманаевке в школе училась одна девчонка... И родила. А парень ее в армию ушел... А вернулся, они поженились! — Мишаня замолчал, понял, что не то говорит, добавил, оправдываясь будто: — У нас сейчас здорово! Яблони цветут! Филецкий говорит...

— Да что Филецкий? — перебила Юлия. — Кобель он, твой Филецкий! Воображает, что я без него жить не могу! А у меня с ним и не было ничего...

— Я не об этом, не об этом, Юль! — разгорячился Мишаня. — Он просто сказал, что у нас жизнь пресная! А у нас здорово! Правда! И знаешь, я только сейчас понял, как у нас здорово... Почему так? Вот занимался я в техникуме, думал, уеду куда подальше! И не вспомню. А сейчас даже снится... Дед, отец, мать, братишка! Дом снится! И все из детства... Помню, мне лет пять было, мы с отцом по улице шли, я ножик нашел. Обыкновенный перочинный ножик. Только хотел его поднять. Отец увидел: «Не смей брать чужого! Переступи! Чужого не возьми...» Я об этом случае никогда не вспоминал... А здесь вспомнил... Мне здесь дом ближе кажется. Почему так?

— Ближе, дальше! — вздохнула Юлия. — Что там вспоминать? Я вот не вспоминаю... Где человеку счастье, там и хорошо! До-о-ом! Мы в разных городах жили. Отец нас бросил... Мать молодая, пожить хочется... меня к тетке сбагрила. А сама спуталась с одним, семью завела. А я как бездомная. Что там вспоминать? Каждый о себе думает. Каждый от жизни берет что может...

Она замолчала, сидела, подперев голову руками, потом зашептала тихонько не себе самой, не Мишане:

— Зря, зря я его послушала тогда! Был бы у меня сейчас ребеночек, все было бы иначе! Мой родной, мой единственный, человечек маленький. Мой, мой, единственный, единственный мой...

— Юля! Ты чего, Юля?!..

Юлия подняла голову. Глянула на Мишаню незрячим, остановившимся взглядом.

— Разболталась, дура старая...

— Какая же ты старая?

— Старая, Мишенька! Мне ведь двадцать четыре года скоро... Эх, ничего-о! Квартиру получу, а там... Обещал Родькин! Три года обещанного ждать придется... — В глазах ее блеснула дурашливая, игривая ухмылка. — Тоже гусь лапчатый! За внуками ходить, а туда же... Но я еще поду-у-умаю... Мужики вы, мужики! Вам только улыбнись... Меня с ним Сашка познакомил. «Подлечи человека!» Пациента нашел... В больницу на «Жигулях» заедет. «Цветочки! Юлия Павловна, на память! Травки у вас, случаем, дефицитной нету для желудка?» — «Да вы, — говорю, — ложитесь на обследование!» — «Что вы, что вы! Я уколов смерть как боюсь!»... В это, конечно, поверить можно... Есть такие люди, уколов боятся. Правда, это еще зависит, как колоть. Со мной медсестра работает, Лиза Ивановна... Вся из себя! Двадцать лет стажу, а колет как практикантка. А я уколою как перышком... Ну что приуныл? Не дам, не дам тебе унывать! —

прижалась щекой к Мишаниной щеке, зашептала успокоенно, доверительно-ласково: — Дите ты, мое дите-е!.. И сердечко у тебя бьется, как у воробышка! Слышу, слышу, Мишенька...

8

Потайным узелком завязалась эта ночь в Мишанином сознании. Но счастье ворованное, под утро тревога пересилила. Помчал на резвой скорости в Ачуры. В переулке у дома Филецкого заглушил двигатель, покатыл мотоцикл к калитке (попотеть пришлось — переулок шел в гору), в дом заходить не стал, шмыгнул вниз по переулку к райпотребсоюзу. Рановато, правда, было туда идти.

Солнце, щурясь спросонья, только-только вставало, выглядывало нехотя из-за холмов. Подновленные ночной сыростью черепичные крыши домов, листья акаций у обочины дороги дышали еще сонным покоем. Утренний мир был молодым и чистым.

Мишаня поднялся на второй этаж, опрятно пахнущий вымытым полом, дверь в кабинет Юрия Аркадьевича была открыта для уборки, но самой уборщицы не было — домывала пол в конце коридора. Мишаня прошел в свою комнату и только за стол уместился, тело обмякло, забылся в нестойком сне. И сразу горячо стало от Юлиного дыхания. Обняла его крепкими ладошками, прижалась щекой. «Спать, спать!» — шептал, отталкивал, бился в висках изнуренный Мишанин голосок. Но Юлия спать не давала, вцепилась в плечо.

— Сынок, а, сынок?!

Мишаня вздрогнул, открыл глаза, и первая мысль, ожившая в сознании, была о том, что здесь, где он сейчас находится, спать нельзя.

Над столом склонилась пожилая женщина-уборщица. Глаза ее, по-хозяйски бесцеремонные, глядели на Мишаню с озабоченной строгостью.

— Не заболел, часом?

— Нет. С чего вы взяли? — Мишаня встал из-за стола.

— А что ж на собрание не идешь?

— Какое собрание?

— Обыкновенное, сынок, обыкновенное! А пылицы у тебя тут скока! И как я паутину с углов посымаю? Глянь, скока паутины! Это к безденежью! Самая верная примета. Точно тебе говорю... Вот Юрий Аркадьич! Чистоту лю-любит! Я ему с мылом через день мою. А мыла, три бруска на месяц, не напасешься. Я ему говорю...

Что она дальше говорила, Мишаня слушать не стал. Вышел в коридор. На лестничной площадке больно ушибся коленом о стенку массивного сейфа (кто его только здесь поставил?), побежал в самый конец коридора.

Собрание еще не начиналось. У дверей покуривали незнакомые люди, все, видать, работники райпотребсоюза. Мишаня пригладил наспех волосы, успел отметить про себя, что выглядит, в общем, нормально, — выстиранная Юлией рубашка была, правда, еще волглой, но галстук с искрой завязан как следует, — вошел в зал.

Филецкого в красном уголке не было. Увидев в первом ряду Анну Васильевну, Мишаня хотел рядом сесть, но уж очень неприступным и официальным, как на фотографии передовиков, было у нее лицо, к тому же рядом примостилась Аза Францевна, строгая, нахохлившаяся. Много было людей незнакомых Мишане.

Фотий Маркелыч сидел особняком, картинно облокотившись на соседние стулья. Он был в голубом костюме — ворот красной рубашки навывпуск. Увидел Мишаню, повернул короткую шею, глубоко посаженные глазки блеснули в снисходительном почтении.

— С массаами, Михаил Петрович? Или в президиум?..

— Здесь посижу, — ответил Мишаня и, пригибаясь, словно опоздавший на киносеанс, присел рядышком.

От Фотия Маркелыча пахло одеколонной свежестью. Он пожал Мишанину руку, устоялся на сцену, где в одиноком величии возвышался огромный стол.

— И что тянут? — вздохнул мясник.

Мишаня обернулся, чтобы поглядеть еще раз на людей в зале. Но в это время из боковой двери вышел председатель райпотребсоюза Лев Иванович. За ним, прижимая к груди красную папку, шла незнакомая Мишане высокая черноволосая женщина в строгом сером платье. Юрий Аркадьевич семенил сзади, молчаливый и сосредоточенный. И только когда женщина подошла к столу, предупредительно улыбнулся, с легким полупоклоном пододвинул ей стул, приглашая сесть, уселся рядышком.

Лев Иванович вытер платком широкий лоб, оглядел внимательно зал, словно с каждым из присутствующих хотел поздороваться лично, и полные губы его растянулись в улыбке.

— Сто процентов присутствует! А? Это хорошо-о-о-о!

— На то мы и кооперация! — выкрикнул кто-то из задних рядов. Лихая, веселая сила звенела в голосе.

В зале одобрительно зашумели.

— Тише, тише, товарищи! — поднял руку Лев Иванович и покосился на женщину в строгом сером платье. — На нашем собрании, товарищи, присутствует представитель из областного комитета партии...

Женщина кивнула и записала что-то в блокноте. А председатель сообщил, что об итогах работы за первый квартал Ачурского райпотребсоюза сделает сообщение Родькин Юрий Аркадьевич.

Родькин ждать себя не заставил. Негромкий его голос зашелестел в тишине по-газетному, без запинки,

хотя ни в какую шпаргалку Юрий Аркадьевич не заглядывал.

Мишаня попытался вникнуть в то, о чем он говорит, но так и не мог, — цифры закупок и поставок, проценты товарооборота, проценты намеченные и фактические, выполнение плана райпотребсоюзом ничего ему не говорили. И только когда Юрий Аркадьевич обмолвился о том, что по плану в городе намечается построить кафе-мороженое на пятьдесят посадочных мест, Мишаня немного оживился. Раз кафе, значит, и холодильное оборудование монтировать придется. Но кто его будет монтировать, об этом Юрий Аркадьевич не обмолвился...

— Громче можно?! — донесся из задних рядов веселый голос.

Юрий Аркадьевич запнулся, но справился с собой быстро, просьбу уважил.

— Во как рубить надо! — кивнул Мишане Фотий Маркелыч. — Учись...

— Это мне ни к чему, — прошептал Мишаня.

— Как так ни к чему? Сгодится! — не то усмеялся, не то обиделся мясник.

Женщина — представитель из областного комитета слушала докладчика внимательно и что-то писала, а когда Родькин сделал паузу, спросила тихим, неораторским голосом:

— А о культуре обслуживания вы что, ничего не добавите?

— Как же, как же, Светлана Георгиевна! — улыбнулся виновато Юрий Аркадьевич. — В обязательном порядке...

Достал из кармана блокнот, глянул в зрительный зал.

— Вопрос о культуре сферы обслуживания, товарищи, всегда был и остается самым актуальным и болевым вопросом для всех нас, работников торговли! И мы этот вопрос никогда не снимали с повестки дня.

Здесь я должен отметить, что в некоторых точках нашей организации имеют место случаи неудовлетворительного взаимоотношения продавцов с покупателями...

— А поконкретней можно? — донеслось из задних рядов.

— Можно и поконкретней! Возьмем, к примеру, магазин номер двадцать один...

Мишаня глянул на Фотия Маркелыча. Мясник вжался в кресло, и лицо его набрякло пунцовой тяжестью.

— Магазин номер двадцать один, товарищи! — несся со сцены голос Юрия Аркадьевича. — Самая горячая точка нашей организации. И завмаг товарищ Мельников о культуре забыл...

— Как это я забыл? — вскинулся Фотий Маркелыч. — У меня рука отсыхает заявки писать! Пускай товароведы отвечают!

— Мы здесь, товарищ Мельников, не о поставках мяса разговор ведем. А о культуре! — с обидцей возразил Родькин. — О культуре, понимаете? Мы с вами с чем в завтрашний день идем? Что мы несем в завтрашний день? Грубость! Неуважение к покупателю! Культура, товарищ Мельников, это совесть продавца! И мы ее по ваявкам на бойне не получим...

Голос Юрия Аркадьевича звенел в тишине зала. В глазах его светился льдистый огонек.

— Хамство, товарищи! Хамство и грубость! Я жалобные книги за первый квартал просматривал. Жалуются покупатели! Жалуются клиенты! Да! Да! Это и к вам относится, товарищ Голубица!

— А что я такого сделала? — ударил в спину Мишани гневный голосок. Он обернулся. Цыганисто-смуглое лицо Голубицы — официантки из ресторана — вытянулось, вот-вот вскочит и на сцену бросится.

— Что вы сделали? — вершил суд Юрий Аркадь-

евич. — Ничего хорошего! Всюду в жалобной книге ваша фамилия... А ведь у вас с людьми самый тесный контакт...

— И какие же это люди? — не поддавалась Голубица. — Нажрутся и книгу требуют! А я крайняя, да?

— Валя! Прекрати! — не разжимая сердечка ядовито покрашенных губ, прошептала Аза Францевна.

Но Голубица будто и не расслышала. Воинственно одернув голубую кофточку, встала. Грудь вперед. Глаза горят, приблизься, ожжет взглядом!

— Лю-ю-юди! — крикнула на весь зал. — Все, выходит, люди, а я не человек, да? У меня, выходит, и прав никаких нету? Да? У меня мать парализованная лежит! Что вы мне предложили, Юрий Аркадьич, когда я на расширение подавала? Я честная женщина!

— Глохни, честная! — подал голос Фотий Маркелыч.

— Здесь квартальное собрание! Здесь не место жилищные вопросы решать! — поджал губы Родькин.

— А где ж их решать? Случаем, не на вашей даче, Юрий Аркадьич?! — снова донесся с задних рядов звонкоголосый, бесшабашный голос. И словно стена невидимая рухнула — в зале засмеялись.

— Товарищи, товарищи! — постучал карандашом по графину Лев Иванович. — Будут прения, каждому дадим слово!

Юрий Аркадьевич смутился, скосил взгляд на представителя из обкома партии.

Женщина сидела молча, склонив голову, словно книгу читала на коленях. Потом шепнула что-то председателю райпотребсоюза. Лев Иванович молча кивнул, встал.

— Голубица! Зайдите ко мне после собрания...

— Не стоит, Лев Иванович! Все дела у меня! — извинительно улыбаясь, зашептал Юрий Аркадьевич. — Все решим... В кратчайший срок...

— Да сроки уже вышли, понимаешь! Сейчас ре-

шать надо! — сказал холодным голосом Лев Иванович и глянул в зал. — У кого, товарищи, имеются вопросы?

— Когда на кухню людей дадите? — поднялась со своего места Анна Васильевна. — Сколько я одна буду крутиться?

— Ну о чем? О чем ты спрашиваешь? — зашептала Аза Францевна.

— А о чем же мне еще спрашивать? Я всю жизнь у плиты стою. Мне не двадцать лет...

— Ребенка моего когда в садик возьмут? — выкрикнула посудомойщица Васютина.

— Пусть представитель из области разберется с фондами! — донеслось из задних рядов.

— Точно! — подтвердил хрипловатый басок у дверей. — Пусть фонды на строительство пересмотрят! Пусть разберутся!..

— Не волнуйтесь, товарищи! — спокойно, но твердо сказала женщина из обкома партии. — Во всем мы разберемся!..

— Давно пора!

Мишаня обернулся, уж очень хотелось ему увидеть того человека из задних рядов, подававшего реплики во время собрания. Голос его веселый хотелось еще раз услышать. Но люди уже вставали со своих мест, хлопали стульями, кто-то смеялся, вкусно пахло сигаретным дымком в нагретом дыханием людей воздухе. И как-то тепло и непривычно-спокойно вдруг стало Мишане среди этих незнакомых еще, молодых, пожилых, разгоряченных людей. И, когда пробирался к выходу, почувствовал, как со всех сторон обхватило его единое, жаркое тело, частицей этого тела себя осознал.

— И когда ж ты успел уйти? Вроде вместе вчера вернулись! А? — Голос у мастера был дружелюбно-доверчивым. И руку он Мишане пожал крепко, по-

братски. Узнал, что на собрании был представитель из обкома партии, сигаретку недокуренную смял.

— Так даже?! Ну-ну! А Аркадьич выступал?

— Выступал...

— И что говорил? — Филецкий весь подобрался, глядел не мигая.

— О культуре, — нехотя ответил Мишаня.

— Во-во! — облегченно вздохнул мастер и новую сигаретку зажег. — С культурой у нас глухо! Это верно...

— Верно! — перебил Мишаня. — Он себе дачу с бассейном строит! А людям жить негде...

Филецкий недоуменно посмотрел на Мишаню.

— Вот оно ты как...

— Что как? — вскинулся Мишаня.

— А ничего, — усмехнулся Филецкий. — Дачу эту ведь мы с тобой вместе строим. Помогаем, точнее, строить...

— Ты меня не путай! Понял? Ты мне ничего не говорил! Ты вообще мне ничего не говоришь!

— Ну-ну! Ладно! Не бери дурного в голову! Не путаю я тебя! Не бои-и-ись...

— А я и не боюсь!

— Да ладно тебе кипятиться! Эх, Миша, Миша! Все в порядке! Все в полном порядке! — Филецкий вытащил из коляски чемоданчик с инструментом. — Держи, Михаил Петрович! Командуй!

— А ты куда?

— Запчасти пробивать поеду! — Филецкий уселся на мотоцикл, надел шлем. — С запчастями мы с тобой не пропадем, товарищ главный механик! Собра-а-ание! Они там поговорили и разошлись. А нам с тобой крутись, как знаешь... — Достал из кармана тугую пачечку накладных бланков. — Накось, распишись! Может, какой дефицитик пробью!

Уселся поудобнее на сиденье, плечи расправил.

И все его поджарое, мускулистое тело было в эту минуту красивым, сильным, уверенным. Но, когда мотоцикл резко рванул с места и, словно смутившись хозяйской власти, чихнул дымком и покатил по дороге, сердце Мишанино сжалось, и какая-то неосознанная тревога, непохожая на ревность, забралась в душу.

Народ в гастрономе толпился все больше у продовольственного отдела. У винного верные времени покупатели ревниво поглядывали на часы, но молчали — отдел был закрыт, и досаду сорвать было не на ком.

Продавщица в молочном отделе — белолицая, молодая, черные волосы блестят лаком — склонилась к прилавку и читала книгу. Мечтательная улыбка блуждала потерянно в уголках накрашенных губ.

— Тебе чего?

— Холодильник посмотреть...

— Вас куда дождешься, весь товар поскисает...

— Отремонтруем, — пообещал Мишаня и начал снимать крышку-решетку, заслонявшую доступ к агрегату. Прислушался к натруженному урчанию компрессора, про себя отметил: «Старичо-ок!» Ничего-о! Разберемся! Сперва вентилек подкрутим... Пусть побольше фреона бежит в испаритель. Легче стало?

Продавщица оторвалась от чтения.

— Наладил, что ли?

— Почти, — Мишаня присел на корточки — макушка вихрастая торчит над прилавком.

Компрессор, словно задыхавшийся человек, вдохнул свежего воздуха, облегченно заурчал. «Трудись, труди-и-ись! А я тебя тряпочкой протру... Во-о-от!»

— Порядок, товарищ продавец!

— Ты не кури тут!

Вытащила из кармана крахмальной своей куртки трехрублевку.

— Денег не надо!

— Это что значит не надо? — обиделась продавщица. — Ты что? — Рука ее с придушенной в кулаке трешкой застыла в воздухе. — Бери, бери... Память крепче будет...

— Память тут ни при чем. Я свои деньги зарабатываю...

— Зарплату, што ль? Живи на свою зарплату!

Мишаня посолоней словцом хотел закрепить свою правоту, но грубить не хотелось. Молча собрал инструмент, вышел на улицу, сощурился от полуденного яркого света. Солнце только-только вошло в свою жаркую силу, а казалось, что день уже прожит.

К директрисе Азе Францевне Мишаня заходить не стал, а сразу направился в подсобку. Послушал. Все вроде в порядке — компрессор работал. Дверцы шкафа открыл — пахнуло из морозильной камеры простудной сыростью, — полный порядок. Хотел уже досаду за напрасный вызов высказать Анне Васильевне, но, увидев ее, передумал.

Мучнистого цвета кожа на лице Анны Васильевны лоснилась, распаренная жаром. Белая косынка сползла на затылок — волосы виднелись, седые, подколотые гребешком. Она глянула на Мишаню и, словно от прохладного невидимого ветерка, облегченно вздохнула, улыбнулась, — морщинки сбежались пучочком к выцветшим серым глазам.

— Ми-и-ишенька, пришел! Сыночек, пришел! Я, я тебя кликала! — Она вытерла полотенцем сырые, порозовевшие от воды руки, а сама все глядела в Мишанино лицо, и чем пристальней глядела, тем больше тревожилась. — Штось ты похуде-е-ел! Ей-бо, похудел! Как она, работа, сынок?

— Да ничего, Анна Васильевна...

— Живешь где? Все в гостинице?

— Нет. У Филецкого...

— Ба-а-атюшки! У живоглота у этого? Да ты что, родный? Да лучше бы ты до меня пришел! Вот так дела-а-а! Господи-боже.

Видать, новость эта ее крепко озадачила, видать, зацепила в душе болящую струнку.

— И не знала, что у Филецкого! Как с ним тока Марина живет? Она женщина добрая! Ох-хо-хо! Таким от мужья и достаются, чтоб мучиться... — Голос понизила. — Лаются, наверное?

— Есть немного... — сознался Мишаня.

— Ну, коне-е-ечно! С им не полайся! Он у кого хошь жилы вытянет, черт горбоносый! Э-э-э!

Стол, за которым он совсем, казалось, недавно обедал, был занят.

Сутулилась над тарелкой с рисовой кашей старушонка. Кофточка бордовая, линялая, застиранная, локотки заштопаны. На голове платочек в крапинку.

— Знакомсь, Ульяна, механик наш...

Старушка, не гляди, что в пожилых годах, резво встала, ладошку платочком вытерла. И Мишане лодочкой. Здрате! Но на Анну Васильевну глянула настороженно... Что, мол, за человек?

— Той самый! Той самый! — успокоила ее Анна Васильевна и, дотронувшись до Мишаниного локтя, пояснила: — Я ж звонила чего? Плитка у ей сломалась...

— Электрическая, что ли? — спросил Мишаня.

— Илихтрическая, илихтрическая! — подтвердила Ульяна.

— Принесите, посмотрим...

— А сичас не можете? — встрепенулась старушка. И быстрым голоском, словно оправдываясь, начала объяснять, что без этой электрической плитки ей никак не обойтись. Потому что на ней готовится пища (так и сказала — пища). При этом она глядела то

на Мишаню, то на Анну Васильевну и смущалась, как девчонка.

— Сходи, сынок! — попросила Анна Васильевна. — Сходи! Тут недалеко!..

9

Легко сказать недалеко! Уже и улицу главную осилили, и новостройки позади остались, белея спичечными коробками сквозь майскую зелень акаций. А дороги конца не видать.

— Далеко еще, бабушка?

— Не, не! Сича-а-ас!

У крайних домов свернули на пустырь, густо заросший травой. Церквушка с заколоченными крест-накрест окнами выглянула из-за отцветающего вишняка. Рядом с церквушкой примостился домик под красной черепицей — поглядывал нелюдимыми оконцами.

У хилой оградки неподалеку паслась коза. Увидела Ульяну, пошла навстречу, натягивая веревку, привязанную к вбитому в землю колышку.

Ульяна перекрестилась на церквушку, глянула на козу строго.

— Гляди-и-и мне! — А что должна была глядеть коза, не разъяснила, подошла к крыльцу и, открыв дверь, крикнула: — Евгений Палы-ы-ыч? Живой ты там?

— Живой, живой! — ответил легкий, с хрипотцой голосок. Послышался кашель. И на порог вышел старик. Росточка невысокого, в чистенькой клетчатой рубашке под опояской и полосатых пижамных брюках. Брови и ресницы у старика были рыжие, лицо в оспинах, в бороде клинышком белели хлебные крошки.

— Насчет плитки эта... — пояснила Ульяна.

Старик будто и не расслышал ее объяснения, улыбнулся.

— Прошу, милости прошу! — и попятился в глубь коридора. — Как, простите, вас звать-величать?

Мишаня сказал...

— Очень приятно! А меня Евгений Павлович! От чисто выбеленных стен, земляного пола пахло сыростью, ромашковым цветом и еще чем-то вяло-сладким, неуловимым. Но чем именно, Мишаня догадаться не сумел, покорно шел за хозяином, покуда Евгений Павлович не открыл низенькую дверь.

Из затаенных от солнечного света углов и дальше со всех стен глянули на Мишаню лики святых, все в золоченых окладах, тускло блестевших в лампадном пугливом свете. Глаза у святых были осуждающе-строгими.

Такое множество икон, да еще в маленькой комнатенке, Мишаня никогда не видел. Покосился на Евгения Павловича: «Поп, что ли? Поп и есть!» — смекнул про себя.

— Показывайте плитку!

— Да, да! — опамятовался Евгений Павлович.

Вошла Ульяна, держа в вытянутых руках, словно диковинную драгоценность, эту самую электроплитку.

Мишаня оглядел ее внимательно. Электроплитка была старой, конфорка от жаркой работы треснула, но спираль была целой. Прощупал шнур, тоже цел. Добрался до розетки — нашел поломку. Проволочка, слабо прижатая болтиком на клемме, перегорела.

Мишаня открыл чемодан с инструментом, достал ножичек, зачистил провода и болтик натуго закрутил.

— Можно включать!

— Благодарствуем, благодарствуем... — обрадовался Евгений Павлович. Глаза его с облегченной радостью глянули на Мишаню.

Радость его показалась Мишане чрезмерной. Оглядел комнатку. Не хватало в ней чего-то. Узенькая, застенная байковым одеялом кровать у окна, очки с

треснутым стеклышком, на подоконнике баночки, пузырьки с лекарствами.

— А холодильник у вас есть?

— Есть, как же? Имеется! — кивнул Евгений Павлович.

— Мы им, сынок, не пользуемся, — подала голос Ульяна.

— Так давайте посмотрю заодно?!..

— Пожалуйста, пожалуйста... — Евгений Павлович засуетился и повел Мишаню в другую комнатку, размером побольше, но тоже от пола до потолка завешанную иконами.

Старик подошел к окну, приподнял тяжелую, шитую золотом скатерть, и из-под нее блеснул желтой костью холодильный шкафчик. «Старая модель», — с ходу оценил Мишаня, открыл дверцу.

Плотно, до самой морозилки шкафчик был заложен пожелтевшими от времени бумагами, связанными бечевкой, толстыми, в твердых обложках книгами. В морозилке тоже пространство не пустовало — две книги вместились, зеленея медью застежек.

— Я уберу, уберу! — засуетился Евгений Павлович и начал поспешно вытаскивать книги из холодильника. Руки его тряслись, дыхание было жарким. — Я ведь их чего прячу? Крысы в доме! Им все одно, что грызть... А в холодильнике оно безопасней будет... Ох-хо-хо-о-о! А вы, вижу, книгами интересуетесь? Собираете?

— Я нет... Филецкий собирает, — признался Мишаня.

— Какой, простите, Филецкий? Не Саша? Знаю, знаю! Сашеньку зна-а-аю! Сашенька большой любитель! — И глянул на вытасченный Мишаней из чемодана баллончик с фреоном с робостью. — Не взорвется?

— Нет, — улыбнулся Мишаня, — фреон газ

инертный... Бутан — да! Бутан, это опасно... У вас плита газовая есть?

— Этого не имеется, — вздохнул Евгений Павлович, — не держим... Я уже хотел купить. Сашенька тоже советовал. А потом думаю, зачем нам? Какие мы с Ульяной едоки? Летом на плитке, зимой — печка... А Сашенька предлагал. Он ведь ко мне частенько захаживал... Как он, жив-здоров?

— А что ему сделается? — вздохнул Мишаня.

— Ну, кланяйтесь, кланяйтесь ему... Сашенька человек хороший. На все руки мастер, — оживился старик, — свет мне в кладовку провел. Раньше ко мне много людей захаживало. Только присядешь, звонок. А я, знаете, звука не люблю. Так Сашенька мне вместо звонка лампочку вкрутил. Кнопку кто нажмет — мигает! Это ведь смекалка нужна? Да-а!

— Никакой тут смекалки не нужно! — сказал Мишаня. — Просто вместо звонка лампочка...

— Это для вас! Для вас так кажется! А мне вот и не догадаться! — Личико Евгения Павловича разгорелось, в глазах светилась мечтательная, кроткая радость. — Сашенька, он смека-алистый... Однажды как-то, под осень, по-о-оздненько приехал. И вижу, пьяненький. Прямо с порога мне: «Евгений Павлович! В чем смысл жизни?..»

Эк копнул, а? О смысле жизни! Да ты, говорю, отдохни иди! Чего ж поздно так?» — «Не-е-ет! — уперся. — Я знать хочу!» Что ты с ним будешь делать? Что ему ответить? Если человек верующий, для него смысл в вере, в смирении перед богом... А если неверующий? В чем святая святых? Вот вы, любопытно знать, как думаете, Михаил Петрович?..

Мишаня, обследовавший в этот момент морозилку в холодильнике, прямого к себе вопроса услышать от старика не ожидал. Глянул в его доверчиво распахнутые глаза, смутился.

— Честными чтоб все были... — сказал тихо.

И смутился еще больше, словно стыдное, неловкое что-то высказал. Но Евгений Павлович ответом остался доволен, бородадку пригладил, кивнул.

— Вот, вот! Истинно правду говорите! Правду, Михаил Петрович! Честным должен быть человек... — Он вдруг закашлялся, словно поперхнулся словом. Мишаня отвернулся, ему хотелось поскорее разобраться с холодильником, поскорее на солнце выйти.

Морозильная камера была вроде в порядке. Трещины в испарителе он не заметил. Значит, фреон в системе есть. А может, и вытек, надо конденсатор поглядеть...

— Повернуть хотите? — оправившись от кашля, спросил Евгений Павлович. — Давайте, давайте, помогу...

— Я сам... — Мишаня сдвинул холодильник.

В нижней части у конденсатора на привычном месте, где полагалось быть компрессору, торчали два спиленных ножовкой патрубка.

— Кто это сделал?

— Не понял, простите... — переспросил старик.

— Компрессор кто снял? — повторил Мишаня. И начал укладывать инструмент в чемоданчик. Все для него было уже ясным и понятным...

— Не смогу я отремонтировать...

— А что вы так опечалились? — удивился Евгений Павлович. — Да господь с ним! Его и Сашенька глядел, морочился... Это я так, для вашего же интереса! Не печальтесь...

Он вышел в коридор, но вернулся быстро. Ясные глаза из-под рыжих бровей глядели на Мишаню с торжественной строгостью.

— Простите мою старость! — и протянул кулачок. — За труды ваши. Всяко благо вознаграждаемо суть...

— Не надо мне ничего! — выдохнул Мишаня.

Он никак не мог прийти в себя. Эта оказия со сня-

тым из холодильника компрессором сильно его озадачила. Вышел в коридор, но куда идти, запомнил.

— Сейчас, сейчас, я вас проведу! Сюда, будьте добры! — дышал в спину сбивчивый шепоток Евгения Павловича.

Цветастый полог, загораживающий комнатку-боковушку, зашевелился, пахнуло оттуда горелым подсолнечным маслом. Вышла Ульяна, глянула на старика с ревнивой строгостью.

— Телогрейку накинь, батюшка!

— Ничего, ничего! Совсем не холодно! — засопровтивлялся Евгений Павлович. — Солнышко на дворе... Тепло...

— Это для молодых тепло! А вам беречься надо! — не сдавалась заботливая старуха. Но Евгений Павлович махнул рукой, не послушался, вывел Мишаню во двор.

Филецкий был уже дома. В глубине двора в сарае ярко светило окно.

Мастер стоял у верстака, заваленного разноцветной проволокой, механическим хламом, высчитывал что-то на клочке бумаги.

В закутке сарая на пустом ящике примостился Фотий Маркелыч. Мишаню увидел, и лицо его расплылось в дурашливом радушии:

— А! Молодая смена?! Рад, рад приветствовать! — И скосил взгляд в насупленное расчетами лицо мастера. — Вот пусть расскажет, как меня насчет культуры чихвостили! Председатель, тот, слышь, Сашуля, молчком-торчком! Я к нему подхожу. «Што ж, Лев Иваныч? За што ж при народе?» А он: «Исправляйтесь!» А? Исправля-я-я-яйтесь! А жинка Аркадьича придет... Попробуй ей грудишки не оставь...

— Кончай базарить! — поморщился Филецкий и карандашиком почесал затылок. — Та-а-ак! Скажешь,

кафеля не было! Метлахской плитки сто штук... Понял?

— А донесу как? — растерялся мясник.

— Донесе-ешь! — усмехнулся мастер. Мишане подмигнул. — Побудь здесь... — Вышел во двор.

Не попрощавшись, бросился следом и Фотий Маркелыч.

Мишаня слышал позвякивание ключей за стеной сарая, просящий голос мясника.

— Тут кил семьдесят, Сашуля! Подбрось мотоциклом... А? Сахарный мой... Подбрось...

— Я вам не такси! — слышался в ответ недовольный голос. Потом звон ключей и охающий топот ног затихли у калитки.

Филецкий вышел из темноты, присел на верстак, закурил.

— Продавщица в молочном сколько дала?

— А я не взял...

— Не взял, значит? Та-а-ак! С нее червонец надо было содрать...

Мишаня почувствовал, как долгая тяжесть прожитого дня навалилась на плечи.

— Вот сам и сдирай! — ответил тихо.

Филецкий втоптал сигарету в землю. Глянул в сумеречную тишь двора, усмехнулся.

— Ясненько! Верно Аркадьич говорил... Добрые дела наказуемы! Ве-е-ерно! — И вдруг резко повернулся к Мишане лицом. Глянул на него пристально. Как-кая-то почти детская бесправная обида тлела в его черных глазах. — За что же ты так, Миша! Я к тебе всем сердцем... А ты мне в душу плюешь... За что?

— Не буду! — ударил в Мишаниной груди тугой гулкой комочек. — Брать ни у кого не буду!..

— Опять в бутылку полез! — примирительно улыбнулся Филецкий. — Посто-ой! Давай разберемся! Ну не взял ты у нее деньги... Я в следующий раз приду. Эта продавщица уже задумается. Ты понимаешь?

Заду-у-умается! И рублишка рваного не даст! Э-э-эх, Миша! Ладно. Идем ужинать. Или батюшка накормил?

— Ты откуда знаешь?! — удивился Мишаня.

— Филецкий все-е знает! — усмехнулся мастер и подмигнул заговорщицки. — Ну? И как он поживает, отец Евгений? Сто грамм не налил? У него есть! Наливочка на божьей травке! И не только наливочка... Много кой-чего! — Глаза его глядели на Мишаню с обычной уверенной усмешкой. — Высоча-а-айший профессионал! Он из церкви качнул деньжонок...

— А он о тебе хорошо вспоминал! — перебил Мишаня. — Он привет тебе передавал!

Хотелось еще и о компрессоре напомнить Филецкому. Но не успел — мастер вскинул голову.

— А чего ему про меня плохо вспоминать? Я ему много кой-чего переделал! За спасибо, между прочим! Чего ему плохо обо мне вспоминать? — В голосе его слышалось смущение, оправдательное, словно себя самого извинить хотел. — Вообще-то он мужик ничего... Сейчас, может, изменился. Матушка у него умерла. Ульяна присосалась. Вот подожди-и-и! Она его крутанет! Дом на себя уже переписала. «Батюшка, батюшка!» А руки у горла держит! Та-а еще старушка...

— Сашка-а-а! Ну чего вы там?! — донесся с веранды Маринин голос.

Филецкий поморщился, словно яблоко неспелое надкусил.

— Идем, Михаил Петрович! Начальство зовет...

Мишаня снял у порога ботинки, топтался на краю ворсистой зелени паласа.

— Тапочки надевай! — распорядился Филецкий. — Я лично босиком люблю! Ковер надо кожей чувствовать! Слышь, Марин?! — крикнул на кухню. — У прокурора холодильник делал, помнишь?

Ковер, как у нас, за триста двадцать на стене-е-е! — И Мишаню по плечу хлопнул. — А у нас на полу, в гостиной! Вот так вот, Михаил Петрович!

Марина, не обращая внимания на горячливую хвастливость мужа, улыбнулась Мишане.

— Как спалось? Если холодно, я еще одно одеяло дам...

— Да какой холодно?! — встрял Филецкий и Мишане подмигнул. — Сейчас ночи те-е-еплые! А, Михаил Петрович?.. — Знает! Мишаня почувствовал, что краснеет. Встал из-за стола. — Все, что ли? — удивился Филецкий. — Ну ты дае-е-ешь! Так с тебя, братец, и штаны упадут...

— Правда, Миша! Вы совсем плохо едите!

— Я ж говорю, штаны упадут!

Мишаня это замечание проглотил, сказал, что наелся и спать идет. Тут уж мастер осерчал.

— Да брось ты-ы-ы-ы! Детское время!

— Ну чего ты пристал? — заступилась Марина. — Может, устал человек... Вы только, Миша, окно закрывайте, когда уходите...

«И она знает!» — подумал Мишаня. Вышел тихонько из кухни. Филецкий догнал его уже у самой двери.

— Успеешь выспаться! Идем! — И крепкой ладонью подтолкнул Мишаню в «избу-читальню», дверцу шкафчика открыл. Приложил палец к губам. — Тс-с! По грамульке, на сон грядущий...

— Я нет. Я не буду...

— Да ты только глянь!

В шкафчике было на что поглядеть. Мерцало, двоясь в зеркальной стенке, разноцветье наклеек и этикеток.

— А? — подмигнул мастер. — Подсветку оцени! Европа!.. — И рюмки хрустальные, радостно пискнувшие, вытащил из шкафчика.

Но на пороге встала Марина.

— Ты с чего это пить собрался?

— Прогдегустуруем, Мариша!

— Знаю, чем твоя дегустация кончается! —

И крышкой шкафчика — щелк! На кухню ушла.

— Вот она, супружеская жизнь! Тоска-а! Чуть послабишь, когти в затылке! — пожаловался Филецкий.

— Я спать, — сказал Мишаня.

— Да подожди чуток! Подожди-и-и! — метнулся к полкам, выхватил книжицу в темно-зеленом переплете, взвесил ее на ладони. — Во! Помнишь, из области привез? Филосо-о-офия! Два червонца за нее отстегнул!..

Полистал, не глядя на страницы.

— За ночь прочел! От и до! Двух червонцев, конечно, этот философ не стоит. Я его быстро раскусил... Какая у него, значит, идея?! Вы, мол, люди, достаток презирайте, а дух свой возвышайте! Понял, нет! Деятель!.. Стой, думаю себе, товарищ философ! А сам что ты за птица? Тут в конце книги о нем справочка е-е-есть... Жил до нашей эры! Рабов имел. Рабы его, значит, на носилках носили... Техники до нашей эры, ясное дело, не было. Пил-ел на зо-о-олоте! А меня учит достаток презирать! Фило-о-ософ! А ты голодовку переживи! Ты сестренку похорони! А потом я на тебя погляжу, как ты будешь достаток презирать! Погляжу-у! — В глазах Филецкого блеснула горячая шальная ярость.

— Нет, товарищ философ! Я, Александр Трофимович Филецкий, сперва хочу этот достаток получить! А после я еще подумаю, презирать мне этот достаток или нет... Понял меня? За батяню, за сестренку, то, что они недополучили...

— Понял, Саша... — тихо ответил Мишаня.

— Понял он! Ниче ты не понял!

— Нет, понял! — повторил Мишаня. Спать ему уже не хотелось. — Все я понял, Саша! Не волнуйся...

Философию я, конечно, не читал... И отец мой не читал, и дед. Он без философов обходился... Он работал всю жизнь. По совести работал...

— Ну ты совесть оставь! Не на-а-адо! — вскинулся Филецкий. — Я...

— Дай сказать! — перебил Мишаня. — Я все скажу... Почему ты компрессор снял?

— Какой компрессор?

— Какой? У Евгения Павловича с холодильника! Ведь это старая модель! Пятидесятых годов... Он тебе на запчасти даже не пригодится, этот компрессор! — Лицо Мишанино горело. Он крепко сжал пальцами спинку стула, глядел не отрываясь на Филецкого.

Мастер изучал узор на ковре, потом поднял голову, вздохнул:

— Ну снял! Ну и что?

— Но зачем?...

— Зачем, зачем! Следовательно нашелся! Чего ты вообще в сферу обслуживания пошел работать? Стучал бы сейчас с отцом на пару по наковальне...

— При чем здесь мой отец? Я технику люблю!

— А я, значит, не люблю? Я холодильники ремонтировать взялся с одной целью рубли сшибать? И в детстве я движок от полуторки домой притащил из школы тоже для продажи? Так по-твоему выходит? А я ведь, Миша, электростанцию мечтал сделать! Чтобы свет для людей горел!.. Кузнечное дело я знаю. Работа нелегкая... А мне легче? Я, к примеру, термореле сегодня достал не на базе. За пятерку, по блату! Что ж ты хочешь, чтобы я это реле в холодильник клиенту тоже за пятерку поставил?

— Нет! Ты не об этом говоришь! Не об этом! Ты мне объясни, зачем компрессор снял у Евгения Павловича! Старый, ненужный компрессор...

— Да ты что въелся как клещ? Не-е-ет! Ты как хочешь, а я спать пойду!..

Филецкий долго не мог успокоиться, ходил по дому. Ему мучительно хотелось пойти, разбудить Мишаню и снова, в который раз начать оправдываться перед ним. Он старался заглушить в себе это желание. Он не мог, не умел себе объяснить, почему ему хочется сейчас и хотелось всегда оправдываться перед этим тщедушным парнишкой, который родился позже, гораздо позже его и ничего не знал, не видел, не пережил в той жизни, которую знал и пережил он, Филецкий Александр Трофимович. И от сознания, что он пережил больше, досада в душе Филецкого подтаяла немного, и ему стало легче, но ненадолго, потому, видимо, что досада жила в его сердце издавна. Он ходил по дому, искал спички и сигареты, хотя они были у него в кармане. Заглянул в комнату к дочурке, прислушался к ее сонному дыханию, но успокоиться не мог, пошел в спальню к жене.

Марина еще не ложилась. Она была в ночной рубашке и, увидев мужа, обернулась, обхватив худенькими руками плечи.

— Ты чего? — спросила.

Точно так же в детстве глядела на него мать, словно хотела протянуть ему руку. И Александру стало еще мучительнее. Он ничего не ответил, вернулся к себе, в «избу-читальню». В комнате было темно, и свет не проникал сквозь опущенные шторы.

Филецкий, не включая света, на ощупь начал трогать вещи, заполнявшие комнату. Он знал каждую вещь в этой комнате. Помнил, когда что покупал. Сколько переплатил за ковер, за книжные полки, за хрусталь.

Все было на месте, на привычном, прежнем месте. Но чего-то важного, более ценного, чем хрусталь, ковры, мебель, не хватало...

Он вышел на крыльцо и, стиснув виски ладонями, стоял долго, вглядываясь в ночную темень. Вышла Марина и позвала его в дом.

Не спал в эту ночь и Мишаня.

Он лежал с открытыми глазами. И никак не мог понять, почему его знобит, ведь в комнате тепло. Луна глядела в окно. Стеклянные дверцы буфета освечивали ее слепой, бесприютный свет. Мишаня закрыл глаза и стал слушать, как бьется сердце. Но с закрытыми глазами дышать стало труднее. Ему захотелось встать и открыть окно. Он протянул руки в темноту — окно было открыто. Из угла комнаты глядели на него ясные, в лунном свете, глаза. Взгляд у этих глаз был немигающий, стеклянный. «Это я, я, — услышал Мишаня шепот. — Возьмите! За труды ваши! Всяко благо вознаграждено суть...» — «Это старая модель! — услышал Мишаня свой голос. — Я не смогу вам отремонтировать. Без компрессора холодильник работать не будет! Компрессор — это сердце! Оно сжимает фреон и подает в испаритель! Я сейчас диаграмму начерчу! Все холодильные агрегаты работают по обратному циклу Карно... Вы сейчас поймете...» — «Не печальтесь, Михаил Петрович! — убаюкивал голосок. — Бог с ним, с холодильником! Возьмите...» — Тяжелые кругляши позванивали в тонкой ладошке. «Нет, нет!» — прошептал Мишаня. «Переступи — чужого не бери! Переступи — чужого не бери!» — бился в сознании отцовский голос.

10

— Ты спишь?

Мишаня поднял голову и увидел Леночку.

Она стояла на пороге залетной пичужкой, спугни, улетит. Смуглая шейка вытянулась, хвостик волос стянут резинкой на затылке, глазки блестят...

— Ты почему так долго спишь? Папа уже уехал...

— А ты почему не в школе?

— А у нас учительница заболела!

— Понятно! — Мишаня встал и начал одеваться. Уж больно неловко было выставлять для постороннего обзора незагорелую белизну своего тела. В брюках почувствовал себя увереннее. Вспомнил последний разговор с Филецким, неуютно на душе стало, тоскливо...

Умылся и вышел во двор, но и тут покоя не было от маленькой хозяйки.

— А чемодан зачем взял? Ты что, совсем уходишь?

— Совсем и уйду...

— А папа сказал, как проснешься, чтоб тебя накормить!

— Мне худеть надо...

— Ты и так худой!

— Да отстанешь ты? Или нет?

Не отстала. Только на улицу вышел, калитку еще не успел как следует закрыть, — Леночка следом. В руке хозяйская сумка. Вид независимый.

— А ты куда?

— За молоком! — И пошла рядышком.

Утро стояло заспанное. Дома, деревья, кусты сирени у палисадников кутались туманцем. Ни ветерка, ни звука — мгlistая тишь. Небо словно серой марлей завешено. И только высоко-высоко, над крышами, над холмами, бельмастым зрачком выглядывало солнце.

Мишаня хотел уже свернуть на асфальт главной улицы, но Леночка и тут замечание сделала.

— А через пруд быстрее!

— Что же я раньше не знал?

— А потому что папа тебя на мотоцикле возил. А мотоциклом через пруд нельзя!

И уже на правах осведомленного человека Леночка прибавила шагу, скатилась по тропке, и мелькнуло ее синее платье меж черствых стволов акаций, выросших как попало, по своей безнадзорной воле. Взблеснула вода, тяжелая и неподвижная, как зеленое стекло. Колченогий мостик тянулся дощатой спиной к

другому берегу. Старые ивы с обнаженными, похожими на скрюченные пальцы корнями, торчавшими на срезе берега, замороженно глядели в воду.

Мишаня не утерпел, швырнул земляной катышек в пруд, тугие, маслянистые круги нехотя пошли по воде.

— А ну не балуй! — крикнул кто-то.

У самой воды, примостившись на полузатопленной коряге, сидел человек. По виду рыбак, в высоких броднях из новой резины, в накинутом на плечи линялом синем кителе. Лица не видать, — шляпа рыжим грибом по самые брови.

Мишаня извинился. А Леночка усмехнулась.

— Испуга-ался! Это дед Егор, охрана!

— Почему охрана?

— А-а! Не знаю. Кличут так...

И пошла по мостику. На взгорке, где продолжалась главная улица, бегущая напрямиком к райпотребсоюзу, остановилась.

— Мне направо, тебе налево! — И вдруг глянула пристально на Мишаню, насторожилась, склонила набок голову.

— А почему ты ночью кричал?

— Кто тебе сказал?

— Мамадя утром сказала...

Мишаня не знал, что ответить. Пошел не спеша в гостиницу.

Предположение его вчерашнее оказалось верным, — комната, в которой он жил по приезде, была занята. Значит, нужно упрашивать Юрия Аркадьевича снова заказать броню.

В правлении райпотребсоюза поднялся на второй этаж, но войти в кабинет Родькина не успел. Из приемной Льва Ивановича выглянула секретарша.

— Сенцов! Вас председатель дожидается!

Мишаня вошел в кабинет. Хозяин разговаривал по телефону. Упрашивал неведомого Николая Семены-

ча срочно отремонтировать машину. Бросил трубку.

— Садись, механик! — начал искать что-то в ящичке стола, вытаскивал какие-то папки, документы. Выскользнул из-под голубенькой полиэтиленовой обложки листик бумаги. Лев Иванович прижал его к столу, пододвинул Мишане. — Это что такое?

Мишаня вгляделся. Листок был затертый, видать, успел побывать не в одних руках.

— Заявка.

— Вижу, что не меню! — сказал председатель. — А подпись, подпись чья?

— Моя...

Лев Иванович вздохнул, словно взобрался на невидимую гору, прикрыл листок широкой ладонью.

— Та-а-ак! И где же вас этому научили? В технике?

— Что научили? — не понял Мишаня.

Но председатель на вопрос не ответил, откинулся в кресле и поглядел на посетителя, словно впервые его видел.

— У вас какая специальность?

— Механик... — тихо ответил Мишаня. — Механик холодильных установок...

— А почему в заявке цемент? Рубероид? Плитка? А? Вы что, холодильники этой плиткой обклеиваете?

— Я не выписывал плитку! Правду говорю, не выписывал! — Мишаня растерялся. Сердце его, бившееся часто-часто, вдруг замерло, и ознобный ветерок пробежал по спине.

— Выписывал, не выписывал! А подпись ваша стоит! — сказал Лев Иванович скучным голосом. Пальцы его тяжелой руки забарабанили по столу. Он отодвинул кресло, встал. — Ладно! Разбираться будем, узнаем, кто выписывал...

«Это ошибка! Этого не может быть!» — бился в Мишанином сознании жаркий голосок. И верить хотелось Мишане этому голоску, очень хотелось верить. Но чем больше он себя успокаивал, тем яснее начинал понимать, нет, не ошибка это! Та смутная, неосознанная тревога, поджимавшая сердце в последние дни, была ненапрасной. Все он вспомнил. И подпись свою на чистых бланках заявок. И внезапные исчезновения Филецкого по неведомым делам. Все сходилось, все было одно к одному. «Не ошибка! Не ошибка! Правда!» — стучало сердце.

Бросился опрометью по коридору к кабинету Юрия Аркадьевича. Но у двери придержал оторопевшее дыхание. Скользящая улыбочка Родькина увиделась. Голосок его тихий... Нет! Подождет Юрий Аркадьевич. Мастеру надо все высказать. Ему, ему сначала! Сбежал вниз по ступенькам. Чемодан свой оставил у вахтера в пустом гардеробе, вышел на улицу.

Вялый туманец над Ачурами растаял. Солнце разгулялось в небе, и воздух был чистый и ясный. Холмы над городом, крыши домов, деревья у обочины дороги своей жили жизнью, спокойной и торжественной. Машина проехала по улице, груженная досками. Мелькнуло сопревшее в кабинной духоте лицо водителя с присохшей к губам папироской.

В своей живет жизни...

А ближе, ближе к рыночной площади — люди! Толпятся у дощатых прилавков. И здесь своя жизнь!

Бросился навстречу домишко с черным околышем вывески. Дверь настезь открыта. Слышится стук топора с оханьем хозяйским пополам. Люди-покупатели замерли у прилавка.

Фотий Маркелыч увидел Мишаню, стучать перестал.

— Момент, граждане! Всего один момент! — и юркнул в закуток прилавка. Цепкие глазки устави-

лись в Мишанино лицо. — Как дела, Михаил Петрович?..

«Не знает!»

— Филецкого здесь не было?

Мясник пригнул голову, огляделся.

— Случилось что? — Голосок вкрадчиво-сладенький. А сам в Мишаню глазами-крючочками вцепился. — Ну чего молчишь? Не телись, не телись...

Стоит ли отвечать? Мишаня вышел на улицу. Побежал в гастроном. Потом в ресторан на кухню. Быстро! Быстро! Вот и подсобный двор, ступеньки служебного входа. Пахнет капустой. И лицо Азы Францевны светится яблочным румянцем.

— Не забываете вы нас, Мишенька!

«Не знает!»

Мишаня прошел знакомым коридорчиком мимо моечной на кухню. Здесь все было по-прежнему. Сытым жаром дышала плита. Анна Васильевна вышла из мясного цеха. В руках деревянный противень...

— Ты чего? Чего случилось?..

— Филецкого здесь не было?

— А что ему тут делать? Да ты сядь, сядь! —

Анна Васильевна вытерла руки полотенцем. — Ну? Был у Ульяны?

— Был...

— И молодец! И слава богу! — присела на стульчик у открытого окна, облегченно вздохнула. — Ульяна до меня ре-едко когда заходит... Слышал, ворона крашенная что сказала? «В за-а-але корми!» До меня, значит, никто и прийти не должен... Каши тарелку пожалела! А к ей Аркадьич заглянет — вырезку жарь! Мясца отварного... Что он с кармана своего платит? Ох-хо-хо-о! Ниче, я после собрания этой женщине из области все-е-е выложила! Хорошая женщина, бедовая... Всех их, как клопов, скоро перетрясут! Всех до единого... — Опамятовавшись, глянула настороженно на Мишаню. — Да ты чего, ей-богу?! Запаленный

весь! Чего случилось? Не таись, сынок... Я же чую сердцем... Может, молочка выпьешь холодненького?

— Спасибо, Анна Васильевна!

Рассказать бы ей! Все рассказать надо было. Легче бы на душе стало.

Не рассказал. Бросился на улицу. Свернул в переулок. Заблудший ветерок побежал следом, вороша пыль на обочине. Тишь, безлюдная тишь! Акации у пруда. Доски мостика скрипят под ногами. Морщится рябью вода. Старик в линялом кителе с удочкой. «Охрана! Почему он охрана? Кого ему охранять?» — стучало в висках. Мимо, мимо. Орешник растет в переулке. Калитка распахнута.

Сразу, сразу надо было сюда бежать.

Мишаня бросился со всех ног к веранде, чуть не споткнулся о порожнее ведро у крыльца, перевел дух.

Филецкий сидел на корточках у сарая и чистил мотоцикл. Глянул мельком на Мишаню.

— Дочка сказала, что ты с чемоданом ушел? Плохо тебе, значит, у нас?

Молча слушал сбивчивый от волнения Мишанин голос. Крепким ногтем усердно сцарапывал пятнышко-щербинку с бензобака. Сцарапал, тряпочкой протер. Поднял голову.

— Только без паники, понял? Спокойно!..

— Что спокойно? Ты мне объясни! Объясни! — не мог сдержаться Мишаня. — Я никаких плиток не выписывал!

— Я сказал, спокойно! — повторил Филецкий. — Аркадьичу говорил?

— Нет...

— Та-ак! — Мастер встал, дверь сарая на замок. — Поехали!

Оглохшими переулками прожгли с пылью и треском к райпотребсоюзу. Подниматься на второй этаж

Филецкий не стал, позвонил от вахтера. По лицу поскучневшему мастера догадался Мишаня, что никого в кабинете Юрия Аркадьевича нет. Помчались к новостройкам — ачурским Черемушкам, к дому Родькина.

Филецкий забежал в подъезд, но быстро вернулся — рванул на шоссе, и побежали мимо сомлевшие в жухлой зелени пригородные усадьбы, свернули на грунтовку, буйно заросшую дикой сиренью, мелькнул рафинадными стенами терем-теремок. Балкон лодочкой, цинковая крыша горит на солнце расплавленным оловом. Глядеть невозможно, глаза слезятся.

Мастер притормозил, привстал на сиденье.

— Ты хоть машину его видел сегодня?

Мишаня начал вспоминать. Мелькнули в сознании красные «Жигули» Юрия Аркадьевича. Когда возвращался из гостиницы, видел, стояли у гастронома. Точно, у гастронома.

— Чего ж молчал? — скривился Филецкий, и жесткая крепость в его глазах подтаяла в снисходительно-грустной улыбке. Не Мишане, своим улыбнулся мыслям. Резко крутанул руль, разворачивая мотоцикл. Не подведи, мотор! Не лопни от натуги, тросик сцепления! Рванул навстречу беспутному ветру по шоссе к знакомой развилке на Лебедевку.

Поселок выбежал навстречу, ближе, ближе. Промелькнула школа — детвора гоняет мяч, больница, притихшая, ни души не видать. Здесь мастер остановился, взбежал по ступенькам, но вернулся быстро, помчался к универмагу.

Вот они, красные «Жигули»! Стоят себе в тенечке. Отдыхают от хозяйской власти.

— Конспира-а-атор! — усмехнулся Филецкий и в универмаг пошел. На этот раз не возвращался долго.

Наконец вышел. Лицо озабоченное, а скорее, растерянное.

— Ну что?! — Мишаня привстал в коляске.

— Сапоги есть, осенние. Югославские!
— При чем здесь сапоги?! — вскинулся Мишаня.
— Верно, — вздохнул мастер, — сапоги здесь ни при чем! — И вдруг спохватился. — Слушай! А может, он у Юльки?
— оставь ее в покое! Понял?!
— Да ты чего? Чего ты?!
— А ничего! — Мишаня вылез из коляски, зашагал к автобусной остановке. Мастер что-то кричал ему вслед. Но Мишаня шел быстро и уже ничего не слышал...

11

Кончился долгий день...

Может, какая звездочка скороспелая и подглядела украдкой, как вечер с ночью сроднились. Да только где ее теперь искать. Вон сколько звезд над Ачурами ночь рассыпала! И каждая в душу глядит, свет свой щемящий к земле несет: «Вот я! Вот я! Взгляни на меня, человек, полюбуйся! Замри в смущенной печали!..»

Анна Васильевна осилила последние двенадцать ступенек, на тринадцатой сам черт ногу сломал, спустилась в вязкую темень подсобного двора.

После прогорклого кухонного жара дышалось легко — май разродился зеленым цветом. Чего-чего, а зелени в Ачурах — шагу не шагнешь, о дерево споткнешься. Скоро акация зацветет. Так что дыши, покуда дышится.

Упругой тенью бросилась поперек улицы кошка. Анна Васильевна обходить неверный знак не стала. Замаешься обходить. Да и беда не велика. Но тревоге сердце поверило, застучало часто-часто. Вот-вот из груди выскочит. Ночное время, темное.

Раньше, тому уже десять годков, Егор Федотович выходил встречать. А то и на казенной машине подъ-

езжал к ресторану из своей пожарки, если был в это время на дежурстве. Имел сочувствие к полуночному одиночеству жены. С годами поостыл вниманием. И отговорка есть: «Кому ты нужна? Кто на тебя, старую чуху, позарится?» Анна Васильевна обижалась: «Мало ли кто? А вдруг какой старичок бессонный возьмет да пригреет? Или хулиганы? Сколько их по ночам шлындает? Гляди-и-и! Вскинешься, да поздно будет!»

Анна Васильевна свернула в переулок — здесь уже не так скучно идти. Два фонаря горят почти у самого дома. Глянула по привычке на второй этаж. Окна соседские темные. А крайнее, ее, светится. Не спит Егор Федотович — бодрствует! И отпустила душу досадная маета.

На второй этаж поднялась, почувствовала, как горячая тяжесть прилила к ногам, пятки жгло, словно не пол цементный под ногами — плита раскаленная. Хотела своими ключами отворить дверь, но неохота было ключи отыскивать в корзине. Позвонила.

Шевелись, бессонный супруг!

Долгой нестерпимо казалась тишина в квартире. Но вот вроде шаги слышать — дверь приотворилась. — Уснул или что? Час целый звоню...

— Чего уснул? Не-е-е! Кино глядел... — Голос Егора Федотовича был оправдательно смущенным. И верно, не уснул. Не раздевался даже. Рубашка застегнута на все пуговицы. Спину держит ровно, словно не на жену, труженицу полуночную, глядит, на отделение свое пожарное. Чужинка мечтательная в сощуренных глазах крепко держится. Тридцать лет эта чужинка смущает ревнивым беспокойством душу Анны Васильевны. Когда дома весь день бок о бок, еще ничего... А стоит только день не побыть, вроде другое лицо. Чужеет на пенсионной свободе.

Вслух о ревнивом своем беспокойстве Анна Васильевна не высказывается. Тут же в коридорчике присела на стул, сбросила тяжелые жаркие туфли — и в шлепанцы: благодать! Глянула на мужа веселее.

— Вечерял?

— Забыл когда... — ответил Егор Федотович и в кулак зевнул. — Вечеряй! Картошка теплая...

— Не буду, — махнула рукой Анна Васильевна. Но на душе от заботы мужниной теплее стало. Хотя есть она отказалась не из усталого каприза. За смену у плиты нанюхаешься — сыт по горло.

Нехотя встала со стула, шаркая шлепанцами, пошла все же на кухню, заглянула в холодильник — на видном месте коченели в тарелке три карася, отсвечиваясь перламутром чешуек.

— Все же высидел?!

Егор Федотович, польщенный похвалой своего рыбацкого терпения, одобрительно хмыкнул:

— Хороши, а?

— Ну и пожарил бы. Что ими любоваться?

— Ты специалист, ты и жарь! — высказал пожелание Егор Федотович.

— Нажарилася за весь день... — отмахнулась Анна Васильевна.

— Там ты для клиентов! А я у тебя все родной человек! — заметил супруг.

Анна Васильевна попробовала возразить, но что верно, то верно. Работа работой. А он у нее один-единственный. Про него забывать не годится.

— Ладно! Утречком пожарю, — вздохнула примирительно. — Лекарство пил?

— Пил... — кивнул Егор Федотович. И лицо его сухое, скуластое, с седой щетинкой на впалых щеках поморщилось, словно вспомнил лекарственную горечь. Глянул на жену озабоченно. — Нервная ты какая-то стала, Анюта! Случилось, может, что?

— Замоталась... — вздохнула Анна Васильевна. — Получка седни у всех? Бох их знает!.. И прут! И прут! Францевне говорю: «Куда ж пускаешь?» А она: «Пла-ан!» Два стола с подсобки, кухонных, в зал. А они как с голодного краю! До десяти все чисто под-

мели. Вальке кричу: «Антрекоты не выбивай, кончились!..» Глазищи вытаращила, может, поднес кто?.. «Шницели, — говорит, — гони заместо антрекотов! Им все одно, прогре-елися!» Сумашечая, ей-богу...

— Под рюмку оно, конечно, подметут! — высказался Егор Федотович.

— Это, конечно, что подметут! — перебила Анна Васильевна. — А вдруг какой в очках сядит? И на пробу? С какой мне стати на старости лет на обман ити?..

Егор Федотович закурил. Блеснула в его глазах мечтательная чужинка:

— Я к тебе как-нибудь наведаюсь... А чего? Жизньню прожил, а в ресторане и не был как люди...

— Чего ж брешешь? А на Октябрьские!

— Это не то-о-о! — вздохнул супруг. — На кухне я и дома посидеть могу. А как клиент! С парадного входу! А? Кустюм-бабочка! И за крахмальную скатерть! Пускай меня Валька твоя обслужит...

— Сиди-и! Клиент, тоже мне! — попробовала обидеться Анна Васильевна. — Кустюм-бабочка! Валька тебя так обслужит, без штанов вернешься...

— А это мы еще посмотрим! — разгорячился Егор Федотович. — Я ей тогда кой-чего на изнанку выверну!

Анна Васильевна не нашлась что ответить. Глянула на мужа удивленно. В глазах его серых и вправду была нестепенная, гуляющая мечтательность. Чужой сидит. То ли шутит, то ли и правду чего надумал. Пойми его, черта старого. Но молчать вроде тоже не годится, как бы не учуял ослабления ее женской власти.

— Что хоть за кино глядел?

— Вое-енное! — нехотя вздохнул разгулявшийся супруг.

— Военные не люблю!

— А чего там хорошего? — поддался на перемену

разговора Егор Федотович, и в глазах его вспыхнул досадный огонек. — Ничего хорошего! Вперед! И все в рейсхтаге! Живые-здоровые... Ты это понимаешь, что делают? Пехота! И все почти до рейхстага дошли... Когда такое было? Чтобы пехота, кто с первого дня воевал, до рейхстагу дошла? И без царапины!..

— Завелся, завелся! Спать идем... — заскучала Анна Васильевна.

— Завелся! — осерчал Егор Федотович. — Бабы вы, бабы! А ты мне правду про войну покажи, как я ее сам пережил! Молодежь ведь смотрит! Думает, хаханьки! Так получается? Шутка сказать, атака! Минометный огонь! На метр земли по две мины! Ты это себе понимаешь?

— Да ты чего, в самом деле? Ты глянь, время сколько! — донесся голос Анны Васильевны из комнаты. Ответа она не дождалась. И уже жалела, что про кино спросила. Будь оно неладно. Теперь Егора Федотовича не успокоить. Ладно, выспится. Ему все одно делать нечего. Что на пруду с удочкой сидеть, что дома.

Деревянная кровать охнула, принимая на ночную свою муку заморенное тело хозяйки. И замелькала привычная горячая круговерть в усталом сознании. Она слышала, как Егор Федотович вошел в горницу.

— Форточку хоть открой! Чуешь? Дышать нечем!

— Тебе надо, ты и открывай. А мне не жарко...

Ишь ты! И правду обиделся. Анна Васильевна с оханьем встала, нашарив в темноте шлепанцы, подошла к окну, раздвинула занавески, потянулась к форточке. Да так и замерла с поднятой рукой.

Со стороны главной улицы по переулку шел человек, росточка невысокого, худенький, в расстегнутом куцем пиджачке и с чемоданом. У самого дома остановился в раздумье — взлохмаченные волосы казались почти белыми в слепом фонарном свете. Замер

как вкопанный, шею вытянул, вглядываясь в потухшие окна дома...

Анна Васильевна, опамятовавшись, хотела включить свет, но в следующее мгновение передумала, накинула халат, вышла в коридор.

Егор Федотович, забыв про свою обиду, спохватился:

— И куда это ты?

Но с вопросом малость опоздал. Дверь входная хлопнула, да так сильно, что у старого человека зазвенело в ушах. Егор Федотович взволновался, но сам себе виду не подал. Встал с постели, китель накинул и за женой следом — разузнать, что случилось.

Илья Георгиевич МИТРОФАНОВ

СВОИ ЛЮДИ

Ответственный за выпуск **С. Лыкошин**

Редактор **В. Кукушкин**

Художественный редактор **Г. Комаров**

Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **Л. Четыркина, Г. Трибунская**

Сдано в набор 07.07.82. Подписано в печать 01.11.82. А06691. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,6. Учетно-изд. л. 5,7. Тираж 75 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1273.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская ул., 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42. Зак. 2—118.

**Читайте в выпусках
Библиотеки журнала
«Молодая гвардия»:**

Константин ТРОФИМОВ. Так закалялась сталь. Новые страницы жизни и творчества Николая Островского.

Лев АНИСОВ. Свадьба. Повести.

Валерий СЕРГЕЕВ. Дорогами старых мастеров. Очерки.

Игорь ЖЕГЛОВ. Эхо безмолвия. Стихи.

35 коп.

Молодая гвардия
